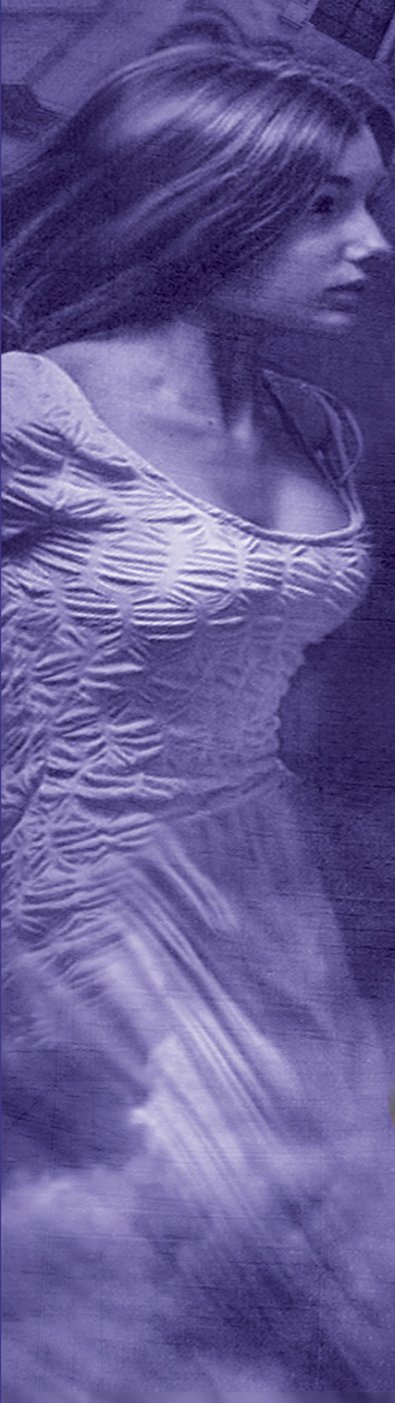

ТАТЬЯНА Усташнова

— первая среди лучших —

Призрак Канта

Татьяна Устинова
Призрак Канта

Разговаривали двое.

Голоса – тонкий и погуще – звучали взволнованно.

– Если дома не станет, – пищал один, – нас не станет тоже!.. Куда мы денемся? Мы не можем...

– Не можем, не можем! – передразнивал второй. – А что делать?! Что предпринять?...

– Раньше нужно было думать!

– О чём?! Ничего не должно было случиться! Триста лет и три года ничего не менялось, а тут такое!..

– Если бы пораньше, если бы сразу, – сокрушался писклявый, – мы бы подготовились! Что угодно можно отдать, лишь бы время вернуть!

– Пустая болтовня! Что отдать?! Да и что мы можем сделать, отравы ему подмешать?

– Да хоть бы отравы, – воинственно пищал первый. – За этот дом ничего не жалко.

Собеседники помолчали.

– А если не жалко, – осторожно начал второй, – то я тут кое-что измыслил.

– Что, что?...

– Погоди, расскажу. Нам же не просто так!.. Нам надо, чтобы никто, ни одна живая душа не заподозрила, что мы в этом... замешаны.

– Это да, это чистая правда.

– Так вот. Мы сделаем всё чужими руками.

– А как, как?...

– Да погоди ты!.. Надобно всё обставить так, словно нас нет и не было.

Первый тоненько захихикал:

– Так нас ведь и вправду нет. А были, нет ли... Какая уж теперь разница!

Василий Васильевич Меркурьев из окна машины смотрел, как ноябрьская Балтика катит тяжелые, ртутные, волны – до самого горизонта, до неба. Песчаные пляжи залиты серым дождём. Должно быть, летом этот песок бывает весёлым, солнечным, горячим!.. Должно быть, на нём приятно валяться и ходить, загребая его босыми ногами. Сейчас он был весь исхлёстан дождём и ветром, и трудно вообразить, что на этих берегах возможны лето и солнце.

Василий Васильевич вздохнул.

Дорога всё время шла по берегу моря, лишь иногда разросшиеся деревья скрывали его от глаз, но гул – тревожный, неумолчный гул осеннего моря – никуда не исчезал, заполнял собой весь мир, и в голове у Василия Васильевича тоже шумело море.

– В первый раз у нас? – спросил водитель, поглядывая на пассажира в зеркало заднего вида. – Время уж больно неподходящее для отпускников-то!..

– Не первый, – сказал Меркурьев. – Я каждый год тут.

– И всё в ноябре?... – удивился водитель.

– Осенью, да, – подтвердил пассажир. – Я летом отпуск не беру.

– Чего это?!

Пассажир опять уставился в окно.

– Я работаю в Бухаре на газовой станции. Газопровод через пустыню тянем, – пояснил он. – Так от жары этой окочуриться можно, веришь, нет?... Как в апреле начинается каждый день сорок градусов, так жарит до октября. И ни одного дождя! В октябре двадцать пять, это уже подарок судьбы! Поэтому я в отпуск только по осени и только на холодное море езжу, отдохнуть малость.

– Да, – сказал водитель с сочувствием, – тогда понятно. Ну, у нас тут дожди каждый день, наслаждайся!..

Бухарец кивнул.

– А чего в глухомань такую? Твоя гостиница – это ж дыра захолустная!.. Полтора часа едем, никак не доедем. Вроде нефтяники – народ не бедный, можно себе позволить!..

– Да какой я нефтяник? – возразил бухарец. – Я инженер на газопроводе!

– И чего? Нормальную гостиницу не мог снять, вон хоть в Светлогорске! Там по крайней мере культурно, есть где пивка попить, есть где пройтись с барышней под ручку. Чего тебя в самый глухой угол-то несёт?...

Василий Васильевич опять вздохнул. Оправдываться перед водителем ему не хотелось, но он чувствовал, что... должен.

– Я картинки в интернете посмотрел, мне понравилось, – сказал он. – И море прямо под окнами, и маяк, и буковая роща.

– Маяк не действует уже сто лет.

– Так ведь и я не пароход! Какая мне разница, действует, не действует!.. Главное – красиво.

– Красоту, значит, любишь, – заключил водитель.

– Люблю красоту, – покаялся Василий Васильевич. – И пустыня надоела. Хочу, чтоб море и лес. И дождь.

Водитель покрутил головой – чудно!

– Ну, получай свой лес и дождь. Вон гостиница твоя.

Трёхэтажный, узкий, как готический собор, старый немецкий дом с двумя круглыми башенками и черепичной крышей почти терялся на фоне буйных красок осеннего леса. К нему вела узкая дорожка, засыпанная красным гравием. Дорожка петляла по лугу, обходя ручей, и у самой решётки пересекала его по горбтому каменному мостику. Ворота стояли настежь, и похоже было, что они никогда не закрываются.

– Посёлок с той стороны, – продолжал водитель. – На тот случай, если в лесу сидеть надоест!.. Там и кафешка есть, и ресторан «Беккер» приличный, и продовольственный – водочки взять.

Василий Васильевич смотрел в окно и кивал.

– Остановка автобусная в километре, можно и до Калининграда доехать. А хочешь, меня вызывай, я тебе телефончик оставлю! Слышь, бурильщик?

– Оставь, – согласился Меркурьев.

Шурша шинами по красному гравию, машина подъехала к островерхому дому и остановилась. Водитель заглушил мотор, и сразу стало слышно, как дождь барабанит по крыше, как шумит лес, и гул моря тоже надвинулся, словно расширился.

Василий Васильевич вылез из салона, накинул капюшон и выудил из заднего кармана джинсов кошелёк. Водитель уже поставил под чугунный козырёк две его сумки.

– Ну, бывай, бурильщик! Соскучишься, звони, не стесняйся! Покатаю!..

Василию Васильевичу хотелось, чтоб он поскорее уехал.

– День добрый, – пробасили у него за спиной, и бабахнула тяжёлая дверь. – Мы вас ожидаем. Самолёт опоздал?

– Ехали долго, – Меркурьев повернулся.

Крепкий краснолицый старик в вельветовых брюках и твидовой куртке с кожаными заплатами на локтях протягивал руку, вид у него был приветливый.

– Виктор Захарович, хозяин гостиницы. Вы, стало быть, мой гость. Добро пожаловать.

– Меркурьев Василий Васильевич. – Гость тоже протянул руку. Твидовая куртка и вельветовые брюки его поразили – хозяин выглядел точь-в-точь как английский помещик. – Из Бухары.

– Живёте там?

– Работаю. Уже два года.

– Ну, расскажете, – неожиданно заключил хозяин. – Пойдёмте под крышу, холодно сегодня. Того гляди, снег пойдёт.

И взялся за сумки.

– Да я сам!..

Одну сумку Меркурьев отбил, а вторая осталась у старика, который всё повторял, что обслуживание у них на высоте.

Двойная тяжёлая дверь открывалась в вестибюль, где было полутемно из-за деревянных стенных панелей и закопчённых балок на потолке. Возле единственного узкого и высокого окна с витражом помещались два кресла и столик, на столике лежали какие-то

журналы и книжка страницами вниз. Широкая чугунная лестница с поворотом вела на второй этаж, под лестницей стояла цветочная подставка, в ней разноцветный лохматый букет – астры. По левой стене зияла огромная пасть камина с наборной полкой разноцветного мрамора. Василий Васильевич вновь удивился – как и твидовой куртке. Он никогда не видал каминов в прихожих!..

Лестница неожиданно загудела, вздрогнула, и по чугунным ступенькам скатилась девица. И гость, и хозяин, задрав головы, уставились на неё.

Красивая девушка, подумал Меркурьев.

– Виктор Захарович, – закричала девица. – Интернета опять нет! Что такое, а?

– Должен быть, Кристина.

– Должен, а нету!.. Где Стас?

Хозяин подтолкнул Меркурьева к лестнице.

– Познакомьтесь, молодые люди. Кристина, это Василий Меркурьев, приехал к нам погостить из Бухары.

Девица уставилась на гостя. Глаза у неё были тёмные и любопытные, как у мыши.

– А Кристиночка здесь, в Калининграде учится в университете. Будущий историк!..

– Фу, как вы скучно говорите, Виктор Захарович! – фыркнула девица и с лестницы протянула Меркурьеву руку, как для поцелуя. Он подошёл и осторожно ее пожал, удивившись перстню. На безымянном пальце у девицы было диковинное кольцо с огромным зелёным камнем. – А что вы там делаете, в Бухаре? Работаете в медресе?

– На газопроводе, – сказал Меркурьев и отступил от лестницы на безопасное расстояние. Девица показалась ему очень бойкой.

– Все, кто работает на газопроводе, – провозгласила девица, – должны отдыхать в казино Монте-Карло! А интернета нету, Виктор Захарович! И Стаса тоже нет?

– Я точно не знаю, Кристиночка, но, по-моему, он катается на велосипеде.

– В такую дождину?! – ужаснулась Кристиночка. – Ну, бог ему судья. Тогда я сервер сама посмотрю. Может, его просто перезагрузить надо. А?...

– Сколько хотите, – разрешил хозяин. – Пойдёмте, Василий Васильевич, провожу вас в комнату.

Узкий коридор привёл их в просторную гостиную, окнами смотревшую на море. Стеклянные двери с чугунными запорами выходили на залитую дождём лужайку. Меркурьев подошёл и посмотрел. Слева был мокрый буковый лес, о котором он так мечтал в пустыне, справа, далеко на мысу, старый маяк. Волны подкатывали к самому его подножию, выхлёстывали вверх, почти до стен, отступали, собираясь с силами, и снова накатывали.

– Здесь можно выйти к морю, – сказал хозяин и подвигал чугунную задвижку. – Мы двери на зиму не запираем. Да вы не думайте! У нас тоже погода бывает прекрасная, не то что сейчас.

– Сейчас как раз прекрасно, – пробормотал Меркурьев.

Створка распахнулась, ворвался солёный и плотный ветер, отбросил лёгкую занавеску, растрепал волосы.

– Шу-уф, – очень близко сказала море. – Шу-уф!..

Меркурьев зажмурился.

– По пляжу променад идёт, – продолжал Виктор Захарович, закрывая дверь. – Пять километров, для прогулок отличнейше!.. Мимо маяка и дальше, к посёлку. Вы непременно воспользуйтесь, Василий Васильевич. Ну, здесь у нас завтраки, – хозяин распахнул дверь в следующую комнату.

Меркурьев заглянул.

Тут стояли столы, четыре или пять, все разные и потому интересные, старинные кресла, лампы с фарфоровыми пастушками и охотничьими собаками, буфет, на нём тарелки, за резными стёклами бутылки и хрусталь. На отдельном столике – кофемашина,

новенькая, сверкающая, самодовольная. Меркурьеву немедленно захотелось кофе.

– Это всегда пожалуйста, – проговорил хозяин. – В смысле кофейку попить!.. Приходите в любой момент, мы за это денег не берём. А завтрак каждый день с семи до одиннадцати часов. Обед с часу до трёх, а ужинаем с семи.

– То, что нужно, – одобрил Меркурьев.

– Там библиотека, вы сами заглянете. Это дело небыстрое – книги смотреть. Небольшая, но вполне приемлемая. Ещё отец мой в своё время начал собирать, а я продолжил. А вам сюда. По этой лестнице на второй этаж.

«Эта» лестница оказалась деревянной, со скрипом, как положено. Истоптанные ступени были широкими, пологими, перила отполированы, начищены медные завитки.

– Нинель Федоровна старается, – заметил Виктор Захарович, когда Меркурьев сказал, что дом у него превосходный. – Её усилиями и молитвами держимся. Она здесь всем хозяйством управляет, никому спуску не даёт!.. Если б не она, давно бы дом развалился.

Меркурьев не понял, всерьёз говорит хозяин или нет.

В коридоре на втором этаже было всего три или четыре двери. Виктор Захарович отпер ближайшую, пропустил Меркурьева вперёд, зашёл и поставил сумку.

Василий Васильевич тоже скинул с плеча надоевшую ношу, вошёл и огляделся.

Комната оказалась большой – ничего подобного гость не ожидал. Одним окном она смотрела на лес, а двумя другими – на море. На море выходила и балконная дверь. Пол был деревянный, ничем не застланный, только небольшой коврик перед камином.

– Если совсем похолодает, затопим, – сказал про камин Виктор Захарович. – Вот здесь рукоятка, видите? Это заслонка. На себя – открыть, от себя – закрыть. Если замёрзнете, закроете. Дует из него, из камина, сильно. Так раньше строили!..

Меркурьев кивнул.

– Ну, располагайтесь, располагайтесь!.. Народу у нас немного, живём мы дружно, я вас со всеми познакомлю.

Должно быть, Василий Васильевич слегка дрогнул лицом, потому что хозяин засмеялся и похлопал его по плечу.

– Живём, – повторил он, – но друг дружке стараемся не мешать! Вот только сейчас спиритические сеансы практикуем, а так...

– Что такое?...

Хозяин махнул рукой.

– Сами всё увидите. Велосипеды, если хотите кататься, в подвале. Скажете, я достану. Отдыхайте.

Вышел и аккуратно прикрыл за собой дверь.

Василий Васильевич прислушался.

Ничего не было слышно за толстыми стенами старого дома, да и море шумело прямо за окном – шу-уф! Шу-уф!..

Первым делом он в разные стороны отдёрнул шторы – сразу стало светлее, – открыл дверь на балкон и вышел.

Дождь перешёл в мелкую морось, и непонятно было, сыплется эта морось с небес или летит от волн. Ветер немного улёгся, и буковый лес шелестел спокойно, легко. Внизу по деревянным доскам настила кто-то шёл – в длинном плаще и островерхом капюшоне, Меркурьев подумал рассеянно: должно быть, монах из близлежащего монастыря отправился на пристань встречать рыбацкую лодку. Или таможенную!.. Может, настоятель велел передать письмо для епископа.

И засмеялся с удовольствием.

Монах, епископ, таможенная лодка под дождём, ныряющая носом в волну, – всё это так легко и приятно придумывать в старом немецком доме на взморье!

Какие же тут ещё гости, о которых Виктор Захарович сказал, что они – дружные?... Кто ещё здесь наслаждается холодом и ненастьем?...

Островерхая тень исчезла из виду, и снова никого.

Нужно будет непременно сходить на маяк. И в лес!.. Наверняка в траве и опавших листьях ещё можно разыскать увесистые, крепкие осенние грибы!..

Обеими руками он стряхнул влагу с волос, зашел в комнату и плюхнулся в кресло. Дверь на балкон закрывать не стал, с наслаждением вытянул ноги, один о другой стащил кроссовки, повозился немного и закрыл глаза.

Перелёты всегда давались ему с трудом. Спать в самолётах он не мог, сильно уставал, мечтал побыстрее добраться.

На паспортном контроле в Бухаре он проторчал часа полтора – среди полосатых тюков, ящиков, замотанных плёнкой баулов и громогласных людей, обливающихся потом. Дети и женщины в отдельной очереди – как положено на Востоке – кричали и гомонили, мужчин из его очереди всех пропустили, а Меркурьев застрял. Он всегда застревал на этом проклятом контроле!.. Усатый пограничник сначала в одиночку, а потом, призвав на помощь сотоварищей, всё что-то искал в его ноутбуке, телефоне, паспорте.

– Запрещённое взёшь? – спрашивал по очереди каждый из стражей, Меркурьев честно отвечал, что ничего запрещённого у него нет, но они не отвязались, пока не открыли и не просмотрели все папки, все файлы с фотографиями и даже книжку Богомолова «Момент истины», скачанную из интернета.

Почему-то книжку смотрели особенно тщательно, чуть не каждую страницу.

Меркурьев знал, что ищут они «порнографию» – сколько раз он летал, столько раз искали!..

От поисков «порнографии» Василий Васильевич совершенно изнемог, но на борту всё равно не спал. Попутчики, объединившись с женщинами и детьми, шумели и кричали по-узбекски, хохотали и переговаривались из одного конца салона в другой.

Потом переезд из Внукова в Шереметьево, снова самолёт, и вот, наконец, – можно открыть дверь в осень, вытянуть ноги, дремать, никуда не спешить и ни о чём не думать.

Ветер теребил шторы, тихонько позвякивали деревянные кольца, море вздыхало, и время от времени шелестели деревья.

Хорошо бы накрыться. На диване лежало свёрнутое лоскутное одеяло, совершенно здесь неуместное, но Меркурьеву было лень вставать.

Кажется, он заснул и проснулся от того, что кто-то разговаривал совсем близко.

– ...чем меньше, тем лучше, – сердито говорил один. – А они всё прибывают!

– Никакой разницы, – возражал второй. – Наоборот, чем их больше, тем удобней! Нам удобней! Никто не должен догадаться.

– Кольцо нужно забрать сразу. Чтоб его не было, и всё тут.

– Кольцо заберём. Это я сам сделаю. Поручать никому не буду.

Меркурьев открыл глаза. Ему вдруг показалось, что разговаривают у него в комнате.

Что за ерунда? Никого здесь нет и быть не может.

Сумерки сгустились, окна и распахнутая балконная дверь светтели в предвечерней мгле, будто немного светились.

– Времени мало, – продолжал сердиться первый голос. – А тут и кольцо, и... всё остальное! А отсчёт уже начался.

– Успеем, – говорил второй. – Вот увидишь.

Меркурьев приподнялся и огляделся с изумлением.

Ну нет никого! Кто здесь может быть?!..

Он встал, нашарил кроссовки и вышел на балкон.

На улице было светлей, чем в комнате, и море почти успокоилось, на нём лежал ровный жемчужный свет. Лес, наоборот, потемнел и надвинулся. Меркурьеву показалось, что в глубине, за деревьями, возится и двигается что-то большое.

По брусчатке со стороны моря поднимался человек. Он вёл велосипед и, заметив на балконе Меркурьева, приостановился, поздоровался и прошёл дальше, к дому.

– Добрый вечер, – сказал с балкона Василий Васильевич.

А что ещё сказать-то?... Это не вы тут сейчас разговаривали о делах?

Он постоял немного, вернулся в комнату, задёрнул шторы, но дверь закрывать не стал – пусть пахнет дождём и морем!.. Сумки, набитые вещами, стояли одна под дверью, другая возле столика, но Василию Васильевичу скучно было думать о вещах.

Обустроиваться – раскладывать барахло, вытаскивать зарядники, рассовывать их по розеткам, выставлять к двери башмаки – он будет завтра.

Отпуск только начинается, сегодня даже не первый день. Отсчёт начнётся с завтрашнего!..

Кажется, те двое тоже говорили что-то про отсчёт.

Василий Васильевич с трудом выпростал из тугого брюха сумки чистую рубаху и безразмерные полотняные штаны с карманами на всевозможных местах – очень удобная штука! – босиком прошлёпал в ванную и долго стоял под душем, отогреваясь. Он и не подозревал, что сильно замёрз, пока не влез под горячую воду!..

Потом, пытаясь разглядеть себя в запотевшем зеркале, прикинул, бриться или не бриться. По-хорошему стоило бы, тем более... девушка Кристина, будущий историк из Калининграда, присутствует!.. Но лень страшно!..

С одной стороны – будущий историк, с другой – лень. И что делать?

Меркурьев решил ничего не делать.

Не буду бриться. Отсчёт начинается с завтрашнего дня.

Он сунул босые ноги в кроссовки – холодные и слегка влажные внутри, – и это доставило ему удовольствие.

В пустыне никто не ходит на босу ногу. В пустыне надевают длинные носки и ещё заправляют штаны в высокие ботинки, завязывают их и зашнуровывают!.. В пустыне в самую жару сидят в брезентовых куртках и панамах с жёсткими полями, непременно прикрывающими шею. Местные умеют наматывать платки и тряпки, и так защищаются от зноя, а приезжие европейцы изнемогают,

истекают потом, безостановочно пьют воду, и всё равно ничего не помогает. Сохнет во рту, сохнут глаза, в уши и в нос набивается мелкий песок и потом долго, месяцами, не вымывается. Меркурьев пробовал принимать какие-то американские таблетки, которые продавали контрабандисты. Таблетки эти вроде бы выдавали морским пехотинцам, воюющим на Ближнем Востоке, для «восстановления водно-солевого баланса», но «баланс» и от таблеток не восстанавливался.

Э-эх, я же в отпуске!.. И мои окна выходят на море, в комнате темно и влажно, блестит под балконом в свете фонарей мокрая брусчатка, что может быть лучше!..

Василий Васильевич пригладил волосы, торчавшие в разные стороны и, прихорошившись таким образом, вышел в коридор.

Снизу слышалось звяканье посуды и тянуло запахом вкусной еды.

Оказывается, есть хочется!.. И уже давно хочется!.. Что там Виктор Захарович говорил про кофе? Может, выпить до ужина, чтобы с голоду не перекинуться?...

– Вы кто? – спросили из угла.

Меркурьев вздрогнул от неожиданности.

Темнота в углу коридора, куда не доставал свет торшеров, зашевелилась, и из нее выступила темная фигура.

– Вы не из наших, – продолжала фигура, не приближаясь. – Зачем вы приехали?

Василий Васильевич слегка откашлялся.

– Добрый вечер, – сказал он громко.

– Здесь скоро начнутся серьёзные события, – продолжала фигура. – Вы хотите был свидетелем?...

– Я поужинать хочу, – признался Василий Васильевич. – Разрешите представиться, Меркурьев. Инженер.

Фигура колыхнулась, тёмное пятно поплыло ему навстречу.

– Антипия, – произнесла фигура.

– Где? – не понял инженер Меркурьев.

– Перед вами. Антипия – это я. Заклинательница потусторонних сил. Духовная дочь учителя Сантаны, последовательница Пуришты.

– М-м-м, – промычал Василий Васильевич, не зная, как нужно приветствовать последовательниц Пуришты и духовных дочерей Сантаны. – Я рад...

Она выступила на свет и оказалась молодой женщиной, облачённой в яркие шелка. На лбу у неё, разумеется, была точка. Меркурьев посмотрел на точку, перевёл взгляд и опять посмотрел, не удержался.

– Вы приглашены на шабаш?

– Нет, – быстро сказал Меркурьев. – Я вообще-то в отпуске.

– Здесь?! – поразилась духовная дочь Сантаны. – Вот в этом месте?

– Я пойду? – полувопросительно сказал Василий Васильевич. – Поужинаю?

И не дожидаясь ответа, скатился по ступеням.

Может, она уедет, подумал он жалобно. Может, шабаш назначен на завтра, а послезавтра её уже здесь не будет?... А завтра я гулять пойду – с самого утра и до самого вечера.

А вдруг их тут... много? Духовных дочерей и сынов самого Сантаны?! Вдруг у них тут гнездо? И шабаш будет происходить в гостиной? Тогда придётся искать, куда уехать и уезжать, а не хочется!.. Меркурьев здесь уже прижился – всего за несколько часов, и ему радостно было, что дом соответствует его настроению и желаниям!..

Из ярко освещённой гостиной слышались голоса, и Василий Васильевич, воровато оглянувшись на лестницу и убедившись, что погони нет, направился туда.

Как только он вошёл, все оглянулись, и хозяин воскликнул с излишним энтузиазмом:

– Ну наконец-то! Заждались, заждались. Разрешите представить, Василий Васильевич из Бухары. Сегодня приехал.

– Василий Васильевич – хорошее узбекское имя, – сказала молодая дама в обтягивающих джинсах и с распущенными чёрными волосами. – Главное, запомнить легко.

Меркурьев обвёл взглядом общество.

Кристина, разложив на старинном столе пластмассовые штуки, что-то делала с телефоном, то ли ломала, то ли чинила. Молодой человек с окладистой ухоженной бородой сидел в кресле нога на ногу и смотрел, как она чинит или ломает. Черноволосая и обтянутая пила из высокого бокала какой-то коктейль и усмехалась довольно язвительно. Меркурьев понял, что усмехается она на его счёт.

– Ну-с, с Кристиной вы знакомы!.. – бодро продолжал Виктор Захарович. Кристина мельком улыбнулась, не выпуская из рук пластмассок. – Софья, – он показал на брюнетку, – из Москвы, у нас впервые, как и вы, Василий Васильевич. Стас тоже из Москвы, занимается компьютерами, наш постоянный гость.

Бородатый весело пожал плечами, как будто сознаваясь в том, что это странно, конечно, но – да, он постоянный гость.

– Занимается компьютерами, а роутер то и дело висит, – пробормотала Кристина. – В сеть не выйдешь.

– Нужно вместо воздушки нормальную линию тянуть, – сказал бородатый. – Я Виктору Захаровичу уже десять раз говорил.

– И как оно там, в Бухаре? – спросила черноволосая Софья у Меркурьева. – Абрикосов много?

– Абрикосов много и жарко, – согласился Василий Васильевич. – А где дают то, что вы пьёте? Я тоже хочу.

– В буфете! – вскричал Виктор Захарович. – Вот я, голова садовая, даже не предложил!

Василий Васильевич был торжественно и со всяческими извинениями препровождён к буфету, где из множества бутылок можно было выбрать любую и налить из неё. Всевозможные бокалы, фужеры, стаканы и рюмки стояли тут же.

Меркурьев прикинул, чего ему хочется, и вышло, что хочется джина с тоником. В настольном холодильничке были наставлены

всякие банки и бутылочки, и тоник среди них нашёлся. И лимон был приготовлен, и лёд в запотевшем ведёрке-термосе.

Таксист сказал про это место – дыра или глухомань, как-то так. Но на дыру вовсе не было похоже!..

Сейчас, когда горел свет и были задёрнуты шторы, гостиная казалась самым уютным местом на Земле. Цветы в старинных вазах, вышитые салфетки, диван с подушками – всё очень мило, но ничего лишнего. Ни нагромождения пыльных безделушек, бессовестно выдающих себя за украшение интерьера, ни полиэстеровых ковров, прикидывающихся натуральными, ни дерматиновых кресел «под кожу».

Меркурьеву здесь нравилось.

Ему даже стаканы в буфете нравились, и он с удовольствием думал о том, что не ошибся с выбором, что Виктор Захарович большой молодец и хорошо бы ещё заклинательница потусторонних сил побыстрее выехала на шабаш и больше не возвращалась.

– У нас тут скучновато, ничего не скажешь, – говорил в гостиной Виктор Захарович. Меркурьев, наливая джин, прислушивался. – Специфическое место. Но у каждого свой вкус.

– У меня дело, – объявила Кристина. – Я не просто так приехала. Мне летом диплом писать, а тут рядом форт и замок семнадцатого века! У меня тема как раз «Прусская культура семнадцатого-восемнадцатого веков». Я фотографий поднаберу. Может, с краеведами повстречаюсь. Тут муж и жена Туссен работают. Говорят, они ещё из тех немцев, ну, которые настоящие, после войны остались.

– А мне ничего не нужно, – сказал бородатый Стас. – Только на велосипеде кататься и на диване лежать. У меня в Москве работа ответственная, а здесь я отдыхать хочу!..

Меркурьев сделал глоток – вкусно! – и со стаканом в руке вернулся в гостиную.

– Если заскучаю, сразу уеду, – мельком оглянувшись на него, промолвила Софья. – Я никогда не бываю в таких местах!.. Вот

первый вопрос, который нужно себе задать, когда в отпуск собираешься: что там делать? И если ответа нет, ехать не стоит. А у вас, дорогой Виктор Захарович, делать, прямо скажем, совсем нечего.

Хозяин картинно развёл руками.

– На вкус и цвет, как говорится! Летом у нас не протолкнуться, любители морских купаний и прогулок приезжают и живут подолгу. Море в двух шагах, вокруг ни души, лес и ручей. Тишина опять же!.. Кто веселье любит, а кто тишину, спокойствие.

– Вы что любите? – неожиданно перебила его Софья, обращаясь к Меркурьеву. – Тишину или веселье?

– Веселюсь я на работе, – сказал Меркурьев. – У нас совместный проект с китайцами. Сплошное веселье.

– А что? – заинтересовался Стас.

Василий Васильевич пожал плечами:

– Народ они... своеобразный. И язык у них своеобразный. Там, где разговаривают трое китайцев, находиться невозможно!.. А где десять, вообще!..

– Древняя раса, – заметила Кристина. – Язык тоже древний, тоновый. Нашему уху кажется, что они всё время общаются на повышенных тонах, а это совсем не так. Просто особенность такая.

– Нашему уху кажется, что они вот-вот подерутся, – подтвердил Меркурьев и подсел к ней. – Что это такое? Что вы делаете?

– Починяю Виктору Захаровичу телефон, – Кристина снова принялась за свои пластмасски. – У него всё время аккумулятор вываливается.

Она соединяла какие-то части, которые то и дело снова разваливались. На левой руке у неё был всё тот же перстень – огромный зелёный глаз. У Меркурьева он почему-то вызывал тревогу.

– Выбросить надо телефон вместе с аккумулятором, – высказался Стас. – Я Виктору Захаровичу сто раз говорил. Ты всё равно его не починишь, Крис.

– Если телефон произвели китайцы, – сказал Василий Васильевич и поставил стакан с джином на стол, – точно не почините.

– Почему это?!

– Можно я взгляну? Потому что у них всё одноразовое, у китайцев. Телефоны одноразовые, ботинки одноразовые, машины и то одноразовые. Починке не подлежат.

– В двадцать первом веке живём, – протянула Софья, пристраиваясь на диван, – и всё про какую-то починку разговоры ведём! Уж в новом тысячелетии, наверное, можно со старьём не возиться?! Выбросить его на помойку, а новое купить.

Меркурьев прикладывал друг к другу пластмасски и мельком взглянул на Софью.

– Пробросаемся, – сказал он, – если продолжим выбрасывать.

– В каком смысле?!

– Так ведь мир в тупик зашёл, – объяснил Василий Васильевич. Он много раз об этом думал. – Ничего не делается надолго, с гарантией. Всё, что приходит в негодность, немедленно выбрасывается! Где разместить свалки, чтобы они вмещали всё выброшенное? Где взять ресурсы на новое? Землю, воду, лес, железную руду?... Мне на день рождения подарили дрель, – тут Меркурьев подумал и добавил, – китайского производства. При первой попытке просверлить дырку дрель сломалась. Я даже подумал, что она нужна, должно быть, не для того, чтобы дырки сверлить, а чтобы она была. Просто у меня есть дрель, а сверлить ею необязательно! Я попытался ее починить, но она так устроена, что из-за пустяка – привод полетел – починить её нельзя, только выбросить. Весь механизм выбросить, с мотором, со всем металлом, из которого она сделана!..

– Чистую правду говорите, – поддержал его Виктор Захарович. – Как хозяин подтверждаю!

– Мы в наших установках целые секции вырезаем, потому что клапаны летят, но поменять их нельзя, и всё тут!.. Выбрасывай весь блок! И так везде. Это называется – стимуляция спроса. Чем больше

выбрасывают, тем больше покупают, следовательно, больше производят.

– Скучота какая! – зевнула Софья.

– Есть клей? – спросил Меркурьев у хозяина. – Любой! Сейчас вот сюда капнем, и какое-то время продержится.

– Спасибо, Василий Васильевич!..

– А вы прям разбираетесь, да? Во всех этих штуках?

Меркурьев допил джин, посмотрел в стакан и подумал, что ещё хочет. Надо налить.

– Руками умеете работать? Гайки крутить? – Софья непонятно улыбалась.

– Умею, – признался Меркурьев. – И люблю.

– Я-ясненько, – протянула она. – Вы модель прошлого – человек хватистый. Эта модель была в моде, когда считалось, что работать руками не только полезно, но и необходимо. Женщина должна была уметь шить и вязать, а мужчина ремонтировать машину и менять раковину!.. Сейчас это смешно!

Виктор Захарович сбоку взглянул на неё и спросил осторожно:

– Отчего же... смешно?

– Ну, глупо! – пожала плечами Софья. – Ну кому может понадобиться то, что сшито своими руками?! Или кому придёт в голову раковину менять?! Ну, сами-то подумайте! Для этого есть отдельные люди, специалисты, они всё за вас сделают.

– Где взять клей? – спросил Меркурьев, которому надоел этот разговор.

Виктор Захарович радостно сказал, что в мастерской, он сейчас принесёт, Меркурьев возразил, что лучше сам сходит, и они ушли вместе.

– Нет, вообще он прав, – задумчиво сказала Кристина. – Починить на самом деле ничего нельзя.

Софья махнула рукой.

– Ну и что?... Это всё такая ерунда, подумаешь! Просто он хочет, чтоб его считали умным.

– Кто считал? Мы?! – удивилась Кристина, и Софья покровительственно ей улыбнулась.

– Вы ещё девчушка совсем, – и Софья сделала некое движение, словно намеревалась потрепать студентку по щёчке, но в последний момент передумала. – Многого не знаете. Особенно про мужчин. А мужчина от всех остальных разумных существ отличается тем, что должен постоянно производить впечатление!

– Это от каких же – остальных разумных? – осведомился Стас лениво. – Ну, женщины, допустим, тоже разумные! Заметьте, я сказал – допустим! А остальные кто?

Софья махнула на него рукой.

– Я недавно прочитала в интернете, что на десять женщин приходится девять мужчин, это научный факт! Из этих девяти трое вполне пригодные в жизни особи, трое страдают интимофобией и оставшиеся трое непременно алкоголики или ещё что... похуже. Так вот эти три особи, которые нормальные, имеют огромный выбор – аж из девяти женщин!

Кристина вздохнула. Ей не нравились рассуждения Софьи, а с Меркурьевым было интересно...

– И на всех нас, на всех они хотят произвести впечатление! Мы-то, девушки, все подходящие! Вот они и стараются кто во что горазд – кто умного из себя строит, как этот... инженер. Кто красоту наводит, – и она неожиданно подмигнула Стасу, – а некоторые на деньги упор делают. Когда у мужика денег много, он уверен, что может всё купить! Не то что гарем, планету Марс! Если ему охота, конечно.

– Планета Марс не продаётся, – проинформировал Стас, которого слегка задело замечание о наведении красоты.

– Да я не об этом.

Кристина посмотрела на дверь. Что это Виктор Захарович с инженером не возвращаются?...

Ей хорошо и весело жилось в доме на взморье, и все нравились – и старик-хозяин, и ухоженный Стас, и вновьприбывший гость

понравился тоже. После Софьиных рассуждений она стала думать... в другую сторону, и эта сторона была ей... неприятна.

Бородатый компьютерщик – симпатичный, но – права столичная штучка – никого не замечает, занимается только собой. Со вчерашнего дня в третий раз меняет наряды и то и дело рассматривает в зеркале собственную бороду. Должно быть, борода была недавним приобретением, и Стас к ней ещё не привык – как к любой новой вещи!.. Впрочем, мужчины сейчас почти все такие.

Инженер не такой. Во-первых, без бороды. Во-вторых, одет так, что сразу ясно – в зеркало на себя он не смотрит никогда. В-третьих, не пацан, каких у неё на курсе полно, и не старик, лет около сорока, наверное. И приятный!.. Высокий, поджарый, словно на солнце подсушенный, руки красивые – Кристина смотрела на его руки, когда он ремонтировал телефон. И рассуждает интересно!.. И не похоже, что хвост распустил! Или... распустил, а Кристина просто не догадалась?... Софья вот сразу догадалась, а она нет?..

– Не расстраивайся, – лукаво сказала Софья, наблюдавшая за девчонкой, – все мужики одним миром мазаны и все сволочи.

– Я думаю вовсе не о мужиках, – резко ответила Кристина. – А об ужине!

– Ну конечно, – окончательно развеселилась Софья.

Она внимательно наблюдала и запоминала каждую мелочь. У неё была тренированная память на мелочи и годами выработанная привычка. Впрочем, здесь, в прибалтийской осенней глуши, наблюдать было несложно – на неё никто не обращал внимания, и люди были простыми и понятными, вон как студентка! Испортить ей настроение ничего не стоит, и Софья даже немного раскаивалась, что испортила. Впрочем, она ещё не составила о студентке окончательного мнения, следовательно нужно продолжать наблюдение, не отвлекаясь на ненужные эмоции.

Не обращать внимания на эмоции, давить и душить их в себе Софья умела с детства.

Пожалуй, пока только хозяин был ей понятен, словно она знала его давным-давно. Знала и ненавидела. Душить эту ненависть не было необходимости, она была холодной и липкой, как забытый на балконе обойный клей. Если всё пойдет, как запланировано, она вышвырнет ненависть из сознания – поддаст ногой ведерко, и оно – тью! – улетит с балкона!

Вернулись хозяин с инженером, очень довольные друг другом. Меркурьев поискал глазами свой стакан, обрадовался, увидев его, и отправился за новой порцией джина.

Виктор Захарович рассматривал телефон, цокал языком и утверждал, что крышка держится как влитая.

– Вы пока подождите, – сказал Меркурьев, появляясь. – Минут двадцать его не трогайте.

Подошёл к двери, откинул штору и потянул чугунную рукоятку.

– Шу-уф, – сказала невидимое в темноте море, – шу-уф!..

Василий Васильевич вышел на каменную террасу, вдохнул полной грудью и посмотрел вверх. Тёмное небо проглядывало сквозь рваные облака, и даже звезду удалось разглядеть в облачном промельке. Василий Васильевич улыбнулся звезде.

Он был не сентиментален, но тут улыбнулся – соскучился. В Бухаре звёзды были яркие, крупные, близкие, будто нарисованные на театральной декорации, изображающей небо. А тут крохотные, едва заметные, дрожащие – свои.

– Вам здесь нравится?

Он оглянулся. Черноволосая Софья стояла справа, облокотившись о балюстраду террасы, и рассматривала его с каким-то, как ему показалось, практическим интересом.

– Нет, просто интересно, – продолжала она, потому что он медлил с ответом. – Здесь же ничего нет! Или у вас тут дама сердца? И вы явились на свидание?

– Я в отпуск.

– И прямо весь отпуск здесь просидите?! Выдержки хватит?

– Я закалённый, – признался Меркурьев. – Могу выдержать многое.

– В той стороне маяк. – Софья показала бокалом в темноту. – Такое романтическое место!

– Да?

Он должен пригласить её на романтическую прогулку к маяку, а не спрашивать «да» или «нет»! Почему не приглашает?

– К столу! – позвал из дома Виктор Захарович. – Семь часов, время ужина!..

– Пойдёмте? – предложил Меркурьев. – Очень есть хочется.

Софья рассердилась и сказала, что она ещё «подышит», а этот мужлан неотёсанный ушёл в дом!.. Перспектива кормёжки пересилила романтический интерес.

В столовой гостей встречала озабоченная женщина в тёмном платье и крохотном кружевном передничке. Василия Васильевича поразило, что на руках у неё были белые шёлковые перчатки.

– Наша белочка-хлопотунья, наша хозяйка, наш оберег, наш домашний гений Нинель Фёдоровна, – и Виктор Захарович поклонился женщине, очень церемонно.

Меркурьев решил, что у них, должно быть, так принято, и на всякий случай тоже поклонился.

– Будет тебе, Виктор Захарович. Проходите и занимайте любой стол, молодой человек. Только вот тот, большой, абонирован.

Виктор Захарович изменился в лице.

– Сегодня? – спросил он, и голос у него дрогнул.

Женщина горестно кивнула и заторопилась:

– Проходите, проходите!.. Мы готовим всего по две-три закуски и несколько горячих блюд, но у нас очень вкусно! Вот карточка, посмотрите, чего вам хочется!

Это действительно была карточка, а никакое не меню – вложенный в фигурного тиснения картон листок тонкой хрусткой бумаги. На листке каллиграфическим почерком выведены названия кушаний.

Меркурьев прочитал все названия и сглотнул голодную слюну.

Гости разместились в столовой следующим образом: к Кристине подсел Стас, Софья устроилась в одиночестве, а потом в дверях зашелестело, появились разноцветные блики, словно провернулся калейдоскоп с цветными стёклышками, и показалась Антипия.

– Приветствую вас, собравшиеся к трапезе, – провозгласила она грудным голосом.

Все смотрели, как она идёт к своему столу – разноцветные шелка развевались, высывался острый носок персидской туфли, расшитой жемчугами и камнями, летел шлейф. В столовой отчётливо запахло благовониями.

– Мне лапшу с утиной ножкой, – сказал Меркурьев домоправительнице, тоже провожавшей глазами вещунью. – И печень по-берлински с картошкой.

– С пюре, – поправила та, моментально отвлекаясь от сказочного видения. – А на закуску? Не отказывайтесь, попробуйте всего! У нас два повара, мальчик и девочка. Специально из Калининграда ездят по очереди, в училище обучаются, отличники!..

Василий Васильевич развеселился.

– Тогда салат с раковыми шейками, – решил он. – Раз уж отличники!..

– Сейчас всё, всё подадим!..

Из кухонной двери показался официант, тоже совсем мальчишка, и стал обходить гостей.

– Сегодня, – на всю комнату объявила вещунья, – нас посетит дух Иммануила Канта. Мне было видение.

– Вы не обращайтесь внимания, Василий Васильевич, – прошептал, усаживаясь рядом, хозяин. – Она смиренная! Так, взбредает что-нибудь в голову! Но мы подыгрываем, чтоб уж она на нас не сердилась.

– Вы?

Хозяин вздохнул:

– Я и... все гости. И потом – это забавно! Я вот раньше никогда с духами не общался.

Меркурьев взглянул на хозяина.

– Да не подумайте ничего такого, Боже сохрани!.. Это же сейчас модно – гадания разные, духи, экстрасенсы. Вон у них, у магов, даже специальная конференция проходит в Светлогорске. Телевидение приехало, журналисты со всей России. И наша... – Виктор Захарович кивнул в сторону Антипии, – тоже участвует. Она признанный маг и... как бишь... забыл...

– Колдун, – подсказал Меркурьев.

– Да не-ет!..

– Вампир.

– Да ну-у-у!..

– Ведьмак.

– Медиум! – выговорил Виктор Захарович. – Что вы меня сбиваете?! Она маг и медиум! Разговаривает с духами.

– О чём? – поинтересовался инженер.

– Да вы сами всё сможете увидеть! – пообещал хозяин с энтузиазмом. – Прямо сегодня! Сеансы у нас в гостиной проходят. Мы там свет гасим, шторы закрываем, достигаем необходимой обстановки.

– Ну, за вас и за духов, – сказал Меркурьев и одним глотком допил оставшийся в стакане джин.

Он как раз доедал салат с раковыми шейками, оказавшийся превосходным, когда произошло неожиданное событие.

Антипия вдруг уронила ложку, которой ковыряла в стакане с чем-то зелёным, вскинула голову, замерла, а потом медленно подняла обе руки к вискам и сдавила голову.

– Он уже здесь, – выговорила она громко.

Меркурьев, заинтересовавшись, перестал жевать и посмотрел на Виктора Захаровича.

– Кто это здесь? – спросил он одними губами. – Дух Канта явился раньше времени?

– Нет, нет, – озабоченно ответил хозяин. – Тут что-то другое.

И поспешно поднялся.

– Он грядёт, – продолжала Антипия. – Я слышу шаги. Я вижу тени. Голоса! Сейчас грянут голоса!..

В полной тишине прошла секунда, другая...

– Ну, доброго всем вечера, – грянуло в дверях так, что Василий Васильевич вздрогнул. – А я думаю, чего это нас никто не встречает?! А в тюряге ужин по расписанию!..

Два мужика, поразительно похожие друг на друга, в абсолютно одинаковых костюмах и галстуках, ввалились в столовую, где моментально стало тесно и нечем дышать.

– А где хозяин-то?

– Приветствую! – Виктор Захарович пошёл им навстречу, вид у него был растерянный. – Как раз к столу.

– Постоловаться мы всегда рады, – прохрюкал один из мужиков.

Они и впрямь были похожи на свиней – откормленные, гладкие, слегка щетинистые. Выразительные пяточки и закрученные хвосты.

– Добро пожаловать, Александр Фёдорович!

– Да ладно тебе, отец, – окончательно развеселился свин. – Очки протри! Фёдорыч – это он, а я Николаевич!.. Иван Николаич я!

– Проходите, мы гостям всегда рады!..

– Да какие же мы гости, отец! Мы, считай, уже хозяева, а?! – И свины вновь радостно захрюкали.

Меркурьев принялся хлебать лапшу. Она была огненная, золотистая, из прозрачного бульона в звёздочках навару выглядывала бодрая утиная нога.

Его решительно уж точно, уж никак не могло касаться происходящее, но любопытство, отчего-то смешанное с беспокойством, разбирало. Против воли он то и дело оглядывался на высокие двери, за которые Виктор Захарович увлёк вновь прибывших. Оттуда раздавались непривычно громкие голоса – куда там китайцам!..

– ...Поужинаем, пока всё горячее, а завтра за дела.

– ...Нам рассиживаться некогда, отец, чего тянуть, когда дело, считай, сделано!.. Да не дрейфь, Захарыч, держи хвост пистолетом!

Мы тебя не обидим!

– Нет, нет, поужинаем сначала.

– Да чё ты заладил-то? Мы уже в приличном месте поужинали!..

– Пришла беда, – сказала, принимая у Меркурьева тарелку, Нинель Фёдоровна. Лицо у неё потемнело, постарело. – Я всё не верила...

– Что такое?

– Продаёт дом наш Виктор Захарович, – выговорила домоправительница и вся перекосилась. Видно, сдерживаться ей было нелегко. – Совсем продаёт, окончательно.

– Зачем?

Глаза у Нинели налились слезами, и одна всё же пролилась, капнула в тарелку.

– Не справляется, – с сердцем сказала она. – Никак не справляется. Говорит, стар стал, сил нет. Мы все ему помогаем, как можем, а он... Видите? Продаёт. И кому! Этим!..

В тарелку капнула ещё одна слеза.

Меркурьев молчал, не зная, что сказать.

– Вы меня извините, – спохватилась Нинель Фёдоровна. – Что-то я... раскисла. Вы тут ни при чём, вы отдыхать приехали!.. Сейчас горячее подам.

Василий Васильевич проводил её глазами.

Вот тебе на!.. Похожий на английского помещика хозяин продаёт такой славный, так хорошо устроенный дом на взморье! А Василий Васильевич уже надумал, как через год приедет вновь – в таком же дождливом ноябре, и встретится с домом и с хозяином, как со старыми знакомыми!..

Нельзя ни на что рассчитывать всерьёз, когда-то учила его бабушка. Ко всем своим планам и мечтаниям нужно прибавлять – как бог даст.

Не даст, и ничего не будет.

– Случится страшное, – возвестила Антипия. – Очень скоро.

– Да бросьте вы дурака валять, – сказал Стас с досадой.

– И так аппетит испортили, – поддержала его Софья. – А кухня тут почти как в Москве!.. Вызовите лучше дух этого вашего и спросите, когда их чёрт унесёт! Так орут, аж голова заболела.

– Канта, – подсказал Стас.

– Да хоть кого! – возмутилась Софья. – Лишь бы эти убрались.

– А я и не знала, что дом продаётся, – сказала Кристина. – Мне Виктор Захарович ничего не говорил.

– Да мы-то все тут при чём? – удивился Стас. – Мы приехали и уехали, какое наше дело?!

Он прошагал к буфету, нажал кнопку на кофемашине, которая сразу ожила, замигала, заворчала, настраиваясь на работу.

– Мы спросим, – пообещала вещунья так же громко. – Мы спросим, что нас ждёт. И может быть, нам расскажут...

По комнате поплыл острый и свежий запах кофе.

Василий Васильевич расправился с печенью по-берлински, подумал и попросил ещё малиновый мильфёй.

Не может быть ничего лучше холодного малинового торта с горячим кофе. Особенно вечером в ноябре, когда на улице идет дождь.

Но почему-то мысль про дождь, ноябрь и кофе показалась ему не такой радужной, как всего час назад.

Собственно, за этот час ничего не изменилось!.. До того, как Виктор Захарович продаст дом, Меркурьев успеет десять раз уехать в Бухару.

Тогда в чём дело?...

Громкие голоса заговорили ещё громче, и нужно было делать над собой усилие, чтобы не слушать каждое слово.

– Пойдёмте в гостиную, – предложила Софья и поднялась. – Если все поужинали. Так невозможно!..

Меркурьев в гостиную не пошёл.

Он забрал свой мильфёй и кофе, тёмным коридором вышел к чугунной лестнице и устроился в кресле возле круглого столика с книгой, так и лежавшей страницами вниз.

Здесь было тихо, темно и пахло дождём, цветами и немного углем, должно быть, из пасти камина.

Василий Васильевич сделал глоток, зажмурился и откинулся на спинку кресла.

Если бы у него был такой дом, он ни за что бы его не продал. Так и жил бы здесь постоянно. Нет, постоянно не выйдет, на такой дом нужно зарабатывать. Он зарабатывал бы, а дом его ждал. А потом он приезжал бы и жил.

– Да ладно тебе, – сказали в темноте, очень близко. Меркурьев сел прямо и оглянулся. – Всё уже готово.

– Готово, не готово, – раздражённо отозвался второй голос. – А если всё пойдёт не так?!

– Что тут может не так пойти?!

– Да что угодно. Вдруг старик не справится?... А если он упустит?

– Ничего он не упустит.

Голосов Меркурьев не узнавал. Впрочем, он был уверен, что говорят жизнерадостные покупатели дома. Только... где они?... За поворотом коридора? Или забрались в камин?!

– Давай, давай, – поторопил один из говоривших. – Времени мало!

Василий Васильевич вспомнил разговор, который он слышал из своей комнаты. Тогда речь тоже шла о времени, о том, что его мало! Но в тот момент в доме ещё не было ни Александра Фёдоровича, ни Ивана Николаевича!..

У Меркурьева была прекрасная память на имена.

Одним глотком он допил кофе, встал и огляделся по сторонам. Никого и ничего. В глубине длинного коридора теплится жёлтый свет из гостиной, по всей видимости, там готовятся к спиритическому сеансу и визиту духа Иммануила Канта. В высокое и узкое готическое окно заглядывает луна – небо поднялось и очистилось, видно, идут холода.

Василий Васильевич, осторожно ступая, подошёл к входной двери и потянул. Она отворилась – неожиданно легко.

Он вдохнул холодный воздух, прикрыл дверь и немного постоял, прислушиваясь.

Никого.

Где могли прятаться те двое, голоса которых он слышал так отчётливо? Не в камине же на самом деле!..

Он взялся за перила чугунной лестницы, задрал голову и посмотрел вверх. Ничего не было видно, только терялись во мраке затейливые литые перила. Должно быть, на втором этаже тоже горит свет, но отсюда, снизу, его не видно.

Василий Васильевич двинулся по коридору к гостиной.

Позади него что-то звякнуло, и тихий звук разорвался у него в ушах как удар грома. Он замер. Потом молниеносно оглянулся.

Никого.

Меркурьев немного постоял, не шевелясь и прислушиваясь, потом вернулся к столику с оставленной кофейной чашкой.

Луна по-прежнему лила в узкое окно дрожащий синий свет, и море вздыхало за толстыми стенами: шу-уф, шу-уф!..

Василий Васильевич потрогал чашку – чуть тёплая. Кофе из неё он допил совсем недавно. Ложка брякнула о блюдце, и он узнал звук. Именно этот звук остановил его!

Но кто мог переставить чашку у него за спиной в пустом вестибюле?!

Что-то ещё тревожило его, и он никак не мог понять, что именно. Неверный лунный свет? Звуки осеннего моря?...

Внезапно ему стало страшно – одному в темноте, – так страшно, что он едва справился с собой. Больше всего ему хотелось помчаться со всех ног туда, где светло и люди, но Василий Васильевич удержался.

Громко топя – на этот раз специально! – он вернулся к входной двери и запер её на задвижку. Чугунный штырёк отчетливо клацнул.

Меркурьев решительно пошёл в сторону коридора и вдруг остановился и замер.

Книга. На столе лежала книга.

Когда он впервые вошёл в этот дом, сразу увидел книгу на резном старинном столике, лежавшую страницами вниз.

Только что он пил кофе и время от времени поглядывал на неё!..

Василий Васильевич подошёл и посмотрел ещё раз.

Книга по-прежнему была на столе, но лежала страницами вверх.

– Я не брал её в руки, – сказал Меркурьев вслух. – Точно не брал!.. И здесь никого не было!..

Голос его потерялся, пропал в дубовых панелях стен, в вышине чугунной лестницы, в провале гигантского камина.

Он ещё помедлил, а потом взял книгу в руки.

Она называлась «Философия Канта» и была открыта на пятьдесят седьмой странице.

Меркурьев поднёс её к окну и с трудом разобрал:

«Итак, философ не испытал в жизни ни сильных радостей, ни сильных страданий, которые приносят с собой страсти. Его внутренняя жизнь всегда находилась в состоянии равновесия. Сам Кант полагал, что в такой спокойной, правильной жизни, проникнутой нравственным началом, и заключается счастье человеческое, и действительно, Кант был счастлив. В глазах современников Кант представлял образец мудреца, и таким же он будет в глазах грядущих поколений, вознесённый на эту высоту своими заслугами и чистотой своей жизни».

– И чистотой своей жизни, – дочитал Василий Васильевич последнюю на странице фразу.

Что получается? Как только он повернулся спиной, некто, в данную минуту невидимый, неслышимый и неизвестно куда скрывшийся, подкрался к резному столику, зачем-то взял книгу, перевернул её и задел при этом чашку.

Чашка звякнула, Меркурьев оглянулся, человек исчез, растворился во тьме.

Какая-то ерунда получается, и больше ничего!..

Интересно, где здесь включается свет? Нужно будет спросить у Виктора Захаровича!..

Решительно захлопнув «Философию Канта», Василий Васильевич вернул её на столик и пошёл по коридору на свет.

Из гостиной выглянула студентка и, увидев его, помахала рукой:

– Идите к нам! На улице холодно, в столовой банкет, а у нас интересно!.. Идите!

Меркурьев махнул рукой в ответ и, повинувшись духу старинного романа о привидениях, охватившего его в вестибюле, приоткрыл дверь в столовую.

Там пировали.

Двое одинаковых свинов, скинув с плеч одинаковые пиджаки, одинаково чокались стаканами. Виктор Захарович притулился рядом на краешке стула, как воробей рядом с орлами-стервятниками, терзающими добычу. Казалось, стервятники вот-вот перекинутся на воробья, только доедят павшую лань!

Вместо лани на столе были наставлены бутылки, тарелки, судки, салатники, миски, чашки. Особенно поразило Василия Васильевича заливное – огромная рыбина с пучком петрушки в зубастой пасти, словно карикатура! Из середины рыбины было уже порядочно выедено.

– Давай, Захарыч, – говорил один из пирующих, – тяпнем за наши успехи! Что бы ты без нас делал, Захары-ыч?! Кому твоя развалюха нужна! А я ее покупаю!

– Пс-ст, пс-ст! – перебивал его второй. – Не ты один покупаешь, мы обое! Чего такое!

– Обое, да! Я ж и говорю!

– Какая разница, кто покупает, – Виктор Захарович махом опрокинул в себя стопку водки. – Главное, что я продаю.

– Ещё бы ты не продал, голуба! Времена сейчас тяжелые, денежки-то все тютю, в трубу улетели! А я покупаю, наликом плачу, без дураков, без налоговиков!

– Обое мы покупаем, сказано!

– Да ладно, спокуха! Слышь, Захарыч, не дрейфь, мы тут нормальный комплексок забубеним, с банями, с номерочками на

почасовой оплате, с девчонками-поскакушками!.. Поедет к нам народ, чего не поехать! Море – вот оно! В леске беседок под шашлыки наставим, пожарники все свои, не прицепится никто!

– Не, не, – вступил второй. – Ну, правда, отец, чего место пропадает! Оно, может, и не нужно никому, но у тебя тут вода подведена, газ, трубы проложены, все дела! Чем сначала начинать, лучше вообще не начинать.

И гости рассмеялись.

Из кухонной двери вышла Нинель Фёдоровна с огромным подносом, за края которого торчали острые пики шампуров.

За столом завыли от радости и снова столкнулись стаканами.

Заметив Меркурьева, Нинель Фёдоровна кивнула и тихонько к нему подошла, как только утвердила шашлыки в центре пиршественного стола. Она слегка подтолкнула Меркурьева в коридор, вышла следом и плотно прикрыла за собой дверь.

– Давно они закусывают? – спросил он.

Домоправительница вздохнула:

– Минут двадцать. Да как вы ушли, так они сразу и сели. Двадцать минут, а водки уже как не было. Сейчас велю ещё одну в морозилку положить, там всего две осталось...

– После ещё двух бутылок им будет наплевать, холодная водка или кипяток!..

Нинель Фёдоровна улыбнулась.

– Может, ещё десерта хотите, Василий Васильевич? Есть шоколадный торт с вишней, «Чёрный лес». Не желаете? Дурной сон, – добавила она и вздохнула. – Куда нам всем деваться? Где работу искать? Да не в том дело! Я в этом доме всю жизнь провела, вот с таких лет!

Она показала рукой с каких именно лет.

– А... остальные гости? – спросил Василий Васильевич. Он точно знал, что в тёмном коридоре за ним кто-то следил, но кто?... – За ужином были все или в доме ещё кто-то есть?

Нинель Фёдоровна покачала головой:

– Все. У нас места мало, да и не сезон. Ещё одна особа должна пожаловать, но предупредила, что будет поздно. А почему вы спрашиваете?...

Меркурьев сказал, что интересуется спиритическими сеансами, а по его сведениям, на таком сеансе должно присутствовать как можно больше людей.

– Да какие там сеансы!.. Всё глупости, дамские штучки! Или вы тоже... в духов верите?

Меркурьев пожал плечами.

– Хозяйка, – заревели из столовой. – Хозяйка, водку неси!

– Извините меня, – шепнула Нинель Фёдоровна. – Я должна подать.

Странное дело. Выходит, в вестибюле никого быть не могло. Но ведь кто-то переложил книгу и задел при этом чашку!

Василий Васильевич вошёл в гостиную, где всё было приготовлено для спиритизма – круглый стол в центре под лампой, какие-то бумаги с нарисованными символами, тарелка со стрелкой, похожая на часы.

Меркурьев взглянул на тарелку.

– Любопытство одолело? – спросила Софья. – Или скука? Заняться нечем? Пойдёмте гулять! Дождя нет, сейчас на море так романтично и страшно! Вы любите, когда страшно?

– Вы всё время были здесь?

– То есть?!

– После ужина вы перешли в гостиную все вместе?

Софья взглянула на него – иронически.

– А что такое?

– Да, да, мы все пришли сюда, – нетерпеливо сказала Кристина. – Только вас ждём! Без вас наша колдунья вызывать Канта отказывается. Мы ее уговаривали, уговаривали, а она ни в какую!..

– Я не колдунья, – возразила Антипия. – Я посредник между мирами. Так научил меня великий Сантана. Слишком тонка

междувселенная ткань, но зато как прочна! Преодолеть её могут единицы. И я преодолеваю, когда мне позволяют высшие силы.

Меркурьев прошёл к буфету, подумал и налил себе джина и тоника. Лёд приятно клацал и шипел в газированной воде.

– Странная штука, – сказал он. – А мне показалось, кто-то разговаривал в коридоре. В том, что ведёт к чугунной лестнице.

– Правда, классная лестница?! – спросила Кристина. – Между прочим, подлинный модерн, железоделательный завод во Франкфурте, там клеймо стоит. Начало двадцатого. Века, я имею в виду! Я потом непременно её сфотографирую.

– Да этого модерна по всей России сколько угодно. – Стас пожал плечами. – Кругом один модерн!

– Да ладно. И потом, тут немецкий модерн!

– Он везде одинаковый.

Софья, которой надоели дети с их препирательствами и Василий Васильевич с его тугоумием, взяла его под руку и спросила, когда они пойдут на маяк.

– Прямо завтра, – немедленно согласился Меркурьев. – С утра.

Софья тонко улыбнулась.

Выходит, обстановку она оценила правильно, и её ожидает осенний прибалтийский лёгкий роман с привкусом тумана и кофе, с запахом опавших буковых листьев. Осталось только придумать, как утром нарядиться, чтобы поразить инженера. Софья была уверена, что поразить его ничего не стоит.

– Давайте свет гасить, – сказала Кристина. – Антипия, мы же должны выключить свет?

– Духи приемлют только тьму. Из тьмы выходят, во тьме существуют и во тьму возвращаются. Свет для них слишком беспощаден.

Стас выключил электричество, а Кристина поплотнее задёрнула шторы. Последовательница великого Сантаны и посредник между мирами затеплила свечу в бронзовом канделябре. Василий Васильевич наблюдал с большим интересом и заметил, что свечу

она зажгла обыкновенной пластмассовой зажигалкой, очень деловито, и так же деловито спрятала зажигалку в недра своих шелков.

– Садитесь вокруг стола, – произнесла Антипия особенным голосом. – Беритесь за руки и думайте о том, что хотите узнать. Ни один из вас не должен сомневаться, иначе дух не явится.

– Никто ни в чём не сомневается, – пробормотал Василий Васильевич.

Справа от него оказалась Софья, сразу же вложившая в его ладонь пальцы, а слева Стас. У него рука была большая и до того влажная, что Меркурьеву немедленно захотелось вытереть свою о брюки.

Светом свечи были озарены только середина стола и лица сидящих. Антипия закрыла глаза.

– Мир теней и снов, мир тонких иллюзий, откройся перед нами, яви нам обитателей своих, – начала она, закрыв глаза. – Мы, находящиеся по эту сторону стены, смиренно просим отправить к нам посланника, дух великого Иммануила Канта. Пусть явится он на короткое время, ответит на наши вопросы, поможет разрешить неразрешимое, увидеть невидимое. Слышно ли меня там, по ту сторону?

Свеча потрескивала, и отдалённо шумело море: шу-уф, шу-уф.

– Слышит ли меня повелитель теней и снов?

Меркурьев вздохнул. И тотчас же его правую руку легонько сжали тонкие пальцы Софьи.

Неужели это я сижу тут в темноте и жду, когда мне явится дух Канта, подумал Василий Васильевич. Что со мной такое?!

Свеча затрепетала, пламя заметалось из стороны в сторону.

– Понимаю, – нараспев произнесла Антипия. – Ты близко. Я жду тебя.

Она покачивалась из стороны в сторону, как заведённая. Слабый отсвет пламени то ложился на её лицо, то оно совсем исчезало во мраке.

«Что я знаю про Канта? – продолжал думать Василий Васильевич, которому совсем нечем было заняться и стало неинтересно. – Знаю, что он философ, написал «Критику чистого разума», жил в Кёнигсберге, и горожане сверяли по нему часы – он всегда в одно и то же время проходил по одним и тем же мостам и улицам. Больше ничего не знаю. Философию в университете нам читали плохо, без огонька. Да мне было не до философии!..»

Свеча неожиданно погасла, словно её задули. Стало совсем темно, и нежные пальчики Софы впились в его ладонь. Василий Васильевич осторожно пожал их в ответ – мало ли, может, на самом деле боится!..

– Я жду, – раздался голос Антипии. – Ты здесь, дух? Если здесь, подай знак.

Стол под локтями Василия Васильевича вздрогнул, приподнялся и опустился со стуком. Видимо, Кант подал знак.

– Мы ждали тебя! – провозгласила вещунья ликующе. – Скажи, что нас ждёт завтра? Добро?

Ничего не происходило. По всей видимости, дух Канта раздумывал, что ждёт завтра столь разношёрстную компанию.

– Нас ждёт зло? Ответь! Зло рядом с нами?

На этот раз Кант собрался с мыслями, потому что стол подпрыгнул и стукнул.

– Зло придёт от нас? – продолжала вопрошать Антипия.

Стол подпрыгнул дважды.

– Зло придёт не от нас, – констатировала ведунья. – Оно постучит в двери?

Канта, по всей видимости, забавляло происходящее, потому что стол опять ощутимо подпрыгнул!..

Вот как она это делает, думал Василий Васильевич. Никаких ее движений не заметно, хотя темно, конечно, но глаза уже более или менее привыкли. И стол довольно тяжёлый, плотного старого дерева, на монолитной слоновьей ноге. Или в мистификации участвует хозяин дома, и к столу подведён некий механизм?...

За стеной вдруг что-то упало с приглушённым грохотом. Упало, покатилося, следом заревели медвежьи голоса:

– Ах, какая женщина, какая женщина, мне б такую!..

Василий Васильевич замер. Как-то старик Иммануил выйдет из создавшегося неловкого положения?...

Свеча зажглась словно сама собой.

Антипия выдернула свои ладони из рук соседей, закрыла лицо.

– Он ушёл, – выговорила она из-за ладоней. – Он нас покинул. Он не вернётся.

– Жалость какая! – пробормотал Василий Васильевич, поднимаясь.

Кристина вскочила, побежала и включила свет. Все зажмурились.

Нужно будет потом слазить под стол, провести обследование на предмет механизмов. Разумеется, разоблачение Антипии в планы Меркурьева не входило, но ведь интересно!..

– Не моя ты, не моя, – продолжали завывать за стеной, – отчего же я тоскую?...

Кристина собрала со стола бумажки с неведомыми знаками и положила перед вещуньей.

– Вчера дух надолго приходил, – сказала она Меркурьеву. – На все вопросы отвечал.

– Вчера тоже Кант являлся?

– Нет, вчера была королева Брунгильда. Она мне сказала, что я в этом году выйду замуж по любви и по расчёту. – Кристина засмеялась, спохватилась и посмотрела на Антипию. – Только я не поняла, как это – и по любви, и по расчёту.

– Мало ли как бывает, – сказал Василий Васильевич. – Что у вас за кольцо? Такое гигантское?!

Кристина посмотрела на свою руку и спросила:

– Это? – словно на каждом пальце у неё было по кольцу.

Меркурьев кивнул.

– Это изумруд, – сказала Кристина. – Хотите посмотреть?

И она сняла кольцо и сунула Василию Васильевичу.

– Нет! – вскрикнула вещунья и поднялась в ужасе. Меркурьев от неожиданности чуть не уронил драгоценность. – Положите! Положите его на стол!

Меркурьев ничего не понял.

Антипия, обмотав руку шелками, вырвала у него кольцо и опустила на стол так осторожно, словно оно могло взорваться.

– Никогда, – сказала она Кристине. – Никогда не передавайте это кольцо из рук в руки! И никакое не передавайте! Вместе с кольцом вы отдаёте весь цикл вашего бытия! Поле может замкнуться. Кольцо можно только положить, лучше всего на деревянную поверхность. Дерево немного нейтрализует течение силы.

– Можно посмотреть? – перебил ее Василий Васильевич, который и про кольцо-то спросил просто так, потому что ему нравилась Кристина.

Изумруд – если настоящий, конечно, – был каких-то невиданных размеров. На самом деле Меркурьев никогда не видел таких камней! Может, только на экскурсии в Грановитую палату в далёком детстве.

Стас подошел и тоже стал рассматривать.

Изумруд был огранён особым образом, в мельчайших гранях плескался и переливался свет, и от этого казалось, что камень светится сам по себе.

При такой огранке, подумал Василий Васильевич, достаточно малейшего источника света, и камень будет загораться, как будто внутри у него лампочка.

– Ничего не понимаю в женских штучках, – сказал Стас. – Но эта красивая. Дайте я гляну.

– Только через стол! – вновь вскричала Антипия, и Василий Васильевич чуть было не уронил «штучку».

– Где оно сделано? – спросила Софья с интересом. – Италия, что ли?

– Изумруд индийский, – ответила Кристина беззаботно. – А где кольцо сделано, понятия не имею.

– Он что, настоящий?!

– Ну да.

– Не может быть, – произнесла Софья почти с ужасом. – Не бывает таких настоящих! Сколько в нём карат?

– Не знаю. Что-то около двенадцати, кажется.

Оправлен камень был очень просто – двойная полоска тёмного золота и больше ничего. Василий Васильевич смекнул, что две полоски придуманы неспроста, на одной такой камень просто не удержался бы.

– Оно очень старое, – сказала Кристина. – Прямо очень!.. Сейчас все говорят – фамильные драгоценности, фамильные драгоценности! Раз от бабушки досталось, значит, фамильное. Этот изумруд бабушка получила от прабабушки, а та от её бабушки и так далее. Верните мне его, пожалуйста.

Меркурьев отдал ей кольцо. Она водрузила его на палец и полюбовалась немного.

– И что? – спросила Софья. – Бабушке от прабабушки, а дальше?

– Дальше мы не знаем, – ответила Кристина. – Мы не разбирались.

– Почему?!

– Нельзя, – сказала студентка. – Запрещено.

– Кем?!

Крис пожала плечами и сказала, что, пожалуй, пойдёт спать. У неё есть книжка «Старый Кёнигсберг», она за неё еще не принималась, а ей к диплому нужно готовиться.

Василий Васильевич проводил её до чугунной лестницы.

– Где здесь свет зажигается, не знаете?

– Знаю, с той стороны. Там такая медная пупочка, потяните ее вверх.

Василий Васильевич нашарил «пупочку» и потянул. В вышине затеплилась слабая люстра.

Кофейная чашка и книга «Философия Канта» по-прежнему были на столе. Только «Философия» лежала страницами вниз.

Меркурьев вздохнул, подошёл и посмотрел. Книга была открыта на пятьдесят седьмой странице.

«Философ не испытал в жизни ни сильных радостей, ни сильных страданий, которые приносят с собой страсти. Его внутренняя жизнь всегда находилась в состоянии равновесия. Кант представлял образец мудреца, и таким же он будет в глазах грядущих поколений, вознесённый на эту высоту своими заслугами в области философии и чистотой своей жизни».

– Кто здесь читает Канта, не знаете, Кристина?

Студентка пожала плечами. Она стояла на лестнице, облокотившись о чугунные перила.

– Зовите меня Крис, – предложила она. – А лучше Мышь.

– Мышь, – задумчиво проговорил Василий Васильевич, – прекрасное имя для девушки. Крис – Крыс – Мышь, правильно я понимаю последовательность?

– Правильно! – отозвалась новоявленная Мышь. – А я вас буду звать Васей.

– Логично.

– Моё имя мне совсем не нравится, – продолжала Мышь. – Когда я родилась, в моде были Кристины, Анжелы, Камиллы, Перпетуи.

– Не знаю ни одной Перпетуи.

– Лучше б я была Перпетуей.

– И всё же кто читает эту книгу?

– Никто, – заявила Мышь. – Она лежит здесь просто так, для красоты. В окрестностях Кёнигсберга обязательно должно быть нечто, связанное с Кантом! Спокойной ночи!

И большими прыжками Крис-Мышь понеслась вверх. Лестница одобрительно загудела.

Василий Васильевич закрыл книгу, вернул её на стол и отправился к себе.

Из столовой тянуло сигаретным дымом и доносились гогот и голоса:

– Слышь, Санёк, а он мне и говорит, значит, чтоб я отваливал, а я ему на это: чё ты быкуешь, блин!.. Ты кто есть такой! А я ему – ты с кем базаришь, мелюзга неумытая, когда я есть правая рука самого Санька Морозова, Алексан Фёдорыча, дорогого нашего!

– А он чё тебе на это?

– погоди, давай накатим за дружбу! За тебя, Санёк! Где бы мы были, если бы не ты и не умище твой!

Василий Васильевич миновал столовую, поднялся на второй этаж, закрыл за собой дверь на лестницу. В коридоре было тихо и темно. Он вошёл в свою комнату и с удовольствием потянулся.

Здесь не было слышно ничего, кроме шума моря и шелеста листьев.

Не зажигая света, он стянул одежду, пошвырял как попало и бухнулся в прохладную постель. Тотчас в голове всё сдвинулось и поплыло: шумные бухарцы, ковровые тюки, дорога, дом с черепичной крышей, вещунья в разноцветных шелках, перстень со странным горящим камнем, готическое окно, трепет свечи, громохание стола, «Ой, мороз, мороз», который слёзно выводили свины.

До чего хорошо, успел ещё подумать Василий Васильевич, и уснул.

Он добежал до конца «променада» – вдоль пляжа под откосом была проложена деревянная широкая дорожка на сваях, – и не встретил ни одного человека. Море плескалось в двух шагах, тихое, ласковое, совсем не такое, как вчера, и солнце казалось почти летним. «Променад» заканчивался лестницей на косогор. Меркурьев, тяжело дыша, оценил лестницу и понял, что ему её не одолеть.

– Слаб стал, – сказал он себе и откашлялся.

Ещё в Бухаре решено было бегать каждый день, не слишком много, десяточку, а если десяточку сразу тяжело, начать километров с семи. Хитроумные часы, считавшие маршрут, показывали, что пробежал он всего пять, но сил не осталось.

Он приказал себе собраться и двинулся в обратный путь. Ноги несли его с трудом.

Меркурьев знал, что перебирает, что бежать сейчас не нужно, а нужно перейти на шаг и спокойненько вернуться в гостиницу, но он должен себя заставить! В этом весь смысл!.. Вымотать себя до предела, до рвоты, до кругов в глазах – вот тогда это можно считать победой!

А так... бегать в своё удовольствие – это упражнение для пенсионеров и худеющих барышень.

На горку к белой балюстраде, окружавшей каменную террасу, Василий Васильевич почти что вползал на четвереньках.

Здесь стояло несколько плетёных кресел, видимо, оставшихся с лета, Меркурьев повалился в одно из них и закрыл глаза. Ему было плохо.

Он сидел довольно долго, пытаясь прийти в себя и справиться с подкатывающей тошнотой. При этом он необыкновенно гордился собой – часы-компьютер показывали десять триста!.. Первый день отпуска начался отлично.

Пить хотелось так, что слюна казалась сухой, как папиросная бумага, но идти за водой не было сил.

Василий Васильевич встал, добрёл до фонтанчика, попил из чаши немного дождевой воды и умылся.

Вода привела его в чувство, но идти он всё ещё не мог.

Он вернулся в кресло и сидел, слушая, как шумит море – шу-уф, шу-уф! – до тех пор, пока не начал замерзать. Тогда он ещё немного попил из фонтана, утёрся полой майки, вошел в гостиную, закрыл за собой дверь и опустил чугунный штырёк.

Здесь никого не было, из столовой не доносилось ни звука. Должно быть, в кухне шли приготовления к завтраку, но весь остальной дом словно вымер. Или ещё спал?..

Василий Васильевич, держась за перила то одной рукой, то другой, то сразу обеими, взгромоздился на второй этаж, немного полежал на диване, потом полежал в кресле, потом нашёл в себе силы пустить воду и залезть под душ.

Его уже не тошнило и не качало из стороны в сторону.

К концу отпуска он будет пробегать эту десятку легко! Туда по пляжу, а обратно по шоссе. И лестницу одолеет!..

Сумки так и стояли посреди комнаты, Василий Васильевич, вытирая голову, посмотрел на них скептически – разбирать, не разбирать?

И решил не разбирать. Ну их к лешему.

Штаны и рубаха у него есть – надевал только один раз, можно не менять, – а на остальное наплевать, потом как-нибудь разберём.

Пятернёй он пригладил волосы – они всегда завивались после душа и торчали в разные стороны, как у поэта Есенина, отчего Василий Васильевич их терпеть не мог и старался стричь как можно короче.

Кстати, нужно будет подстричься. Спрошу у Виктора Захаровича, где парикмахерская.

Спустившись вниз, он заглянул в гостиную – никого, потом в столовую, где тоже не было ни одной живой души.

Меркурьев прошёл к буфету, включил кофемашину и подождал, пока она проснётся, встрепенётся и приготовится к работе. Пока машина фыркала и мигала, он подошёл к окну.

Неяркое жёлтое солнце сделало буковый лес золотым и бронзовым в глубине. Могучие стволы, освещённые с одной стороны, казались ненастоящими, нарисованными. Трава под деревьями была совсем зелёной, свежей, будто только что вылезшей. Меркурьева всегда поражала эта зелёная калининградская трава – в ноябре!.. На широком кусте с разноцветными листьями качалась сорока. Как только ветка замирала, сорока подскакивала и снова начинала качаться. С ветки время от времени слетал жёлтый лист.

Василий Васильевич чувствовал себя так, словно всю жизнь прожил в этом доме, по утрам смотрел в окно, и сорока была его подругой. Ничего не могло быть лучше холодного воздуха, разноцветных листьев, на которых кое-где дрожали бриллиантовые

капли вчерашнего дождя, осени, вздыхающего моря и сороки на ветке.

Он сделал себе кофе – крепкий и с сахаром, – и пошёл проверить, как там «Философия Канта».

Игры с Кантом его забавляли.

Вчерашняя чашка исчезла, а книга лежала на прежнем месте страницами вверх.

Василий Васильевич засмеялся, прихлёбывая кофе. Он совершенно точно помнил, что вчера ночью закрыл её! Ну-ка посмотрим, какая страница.

Страница пятьдесят семь, всё верно.

«Философ не испытал в жизни ни сильных радостей, ни сильных страданий, которые приносят с собой страсти».

Это мы уже сто раз читали!..

Интересно, кто с ним играет? Хорошо бы, конечно, Кристина по прозвищу Мышь, но отчего-то Василий Васильевич в это не верил. Нет, было бы прекрасно, если б она, но...

Высокие двери у него за спиной вздрогнули, будто снаружи потянули за ручку. Василий Васильевич оглянулся.

Ничего не происходило, потом двери вздрогнули вновь и тут же донеслось дребезжание колокольчика. А потом ещё раз.

Меркурьев поставил чашку на стол рядом с «Философией Канта», подошёл, повернул в замке ключ и распахнул створку.

В солнечном воздухе он увидел только силуэт. Силуэт колыхался и подрагивал, извивался, и Меркурьев на секунду зажмурился.

– Моё почтение, – вежливо проговорил посетитель и на старинный манер приподнял шляпу.

Он уже не извивался и не двоился, и оказался сухим человечком с мелким, но выразительным лицом. Он был облачён в долгополое пальто, а в руке держал дорожный кодовый саквояж.

– Доброе утро, – поздоровался Меркурьев.

Позади человечка на стоянке дремал длинный белый «Кадиллак» – вчера его здесь не было, – Меркурьев почему-то очень

удивился, что старомодный и вежливый человечек прибыл на такой длинной, самодовольной машине.

– Приглашён погостить, – сказал новый гость. – Если вы ничего не имеете против.

– Я?! – воскликнул Меркурьев.

– С вашего разрешения, – заключил невиданный посетитель твёрдо.

– Проходите, – пригласил Василий Васильевич несколько растерянно. – Я сейчас найду хозяина или управляющую...

И посторонился, пропуская гостя.

Человечек воскликнул:

– Ни в коем случае! Не нужно никого обременять! Придёт время, и всё разрешится само собой.

В «Кадиллаке» нет водителя, мельком подумал Меркурьев. На водительском месте никого. Выходит, человечек сам сидел за рулём. Чудеса.

– Я подожду вот здесь. Если позволите.

Утренний гость прошагал к креслу возле готического окна, уселся, утвердил на острых коленях саквояж, а сверху пристроил свою шляпу.

– Хотите кофе? – спросил Меркурьев.

Гость подумал секунду.

– Лучше чаю и к нему каплю молока, – сказал он. – Если это вас не очень затруднит. Дело в том, что я не употребляю кофе. Это нездорово.

Он покосился на книгу, отчего-то покачал головой и уселся поудобнее.

– Сейчас попробую, – пробормотал Василий Васильевич. – Чаю с молоком, понятно. Одну минуточку.

– Не спешите, – любезно разрешил прибывший. – Из-за меня не стоит суетиться.

Меркурьев пошёл на кухню, спросил, где найти Нинель Фёдоровну или Виктора Захаровича, а также чаю.

– С каплей молока! – добавил он, вспомнив.

Оказалось, что для чая всё приготовлено там же, на буфете, Нинель Фёдоровну сейчас поищут, а Виктор Захарович ещё не вставал. Просидел с гостями почти до утра, как видно, не проснулся пока.

Возле буфета Василий Васильевич топтался довольно долго, раздумывая, как ему быть. В конце концов достал большую чашку с блюдцем, сунул в нее пакетик, подождал, пока заварится, и пакетик выбросил. Незнакомец в шляпе и с саквояжем, решил Меркурьев, ни за что не станет пить чай, из которого торчит хвост! Два кусочка сахара он пристроил на блюдце рядом с серебряной ложечкой, а сливки из круглых пластмассовых штуквин решительно некуда было перелить и пришлось нести так, в штуквинах.

Василий Васильевич не удивился бы, если б человек исчез из вестибюля, но он был на месте. Он сидел в прежней позе, словно ни разу не пошевелился.

– Ваш чай, – по-официантски галантно сказал Меркурьев. – А управляющую ищут.

– Ах, не стоило беспокоиться! – досадливо вскричал человек. – Не примете ли?

И он сунул Меркурьеву саквояж и шляпу.

Василий Васильевич принял их и неловко прижал к груди.

Человек сделал глоток, зажмурился, оценивая, и заключил:

– Недурён. Шри-Ланка?

Василий Васильевич счёл нужным кивнуть – на всякий случай. Он был растерян и не понимал, что происходит.

– Всё же капля молока была бы не лишней.

– Молоко... рядом. То есть сливки. Сливки и сахар.

Человек поднял на него глаза и вдруг ужаснулся.

– Непростительная ошибка! – воскликнул он и поднялся в волнении. – Я опять совершил ужасную ошибку! Всякий раз забываю! Вы ведь не привратник?

Инженер Меркурьев отрицательно покачал головой.

– И не лакей?

Василий опять покачал – нет, он не лакей.

– Прошу меня извинить, покорнейше прошу извинить! Забываю! Позвольте!

Гость вскочил и вырвал у Меркурьева поклажу.

– Непростительная ошибка! Я стал рассеян. Нужно было сразу дать понять, что мои указания неуместны. Ах, как неловко.

– Да ничего страшного, – промямлил Василий Васильевич.

– Нет, нет, не утешайте меня, – продолжал сокрушаться гость. – И ещё чай! Право, ужасная неловкость!

Он пристроил саквояж себе в ноги, шляпу угнездил сверху.

– Вы здесь в гостях, – резюмировал человек, разглядывая Меркурьева. – Приглашены, так же, как и я.

– Нет, я в отпуске, – признался Меркурьев. – Приехал отдохнуть.

– Вы тяжело трудитесь? Труд вас изматывает?

Василий Васильевич никогда не задавал себе таких вопросов!

– Жара изматывает, – сказал он наконец. – Я работаю в пустыне, на газопроводе.

– Как интересно, – восхитился человек, – и, должно быть, увлекательно!..

– На самом деле, не очень. Нет, то есть интересно, – спохватился Меркурьев. – Но не всегда. В основном это просто тяжелая работа.

– Может быть, присядем?...

Меркурьеву хотелось удрать – лучше всего на кухню или в столовую, где пахнет свежей утренней булкой, где все свои, где можно не вести странных разговоров и где никто уж точно не примет его за лакея или привратника!..

Тем не менее он зачем-то сел в соседнее кресло и сделал любезное, слушающее лицо.

Гость ещё пригубил чаю, вновь похвалил его и спросил, в чём заключается тяжесть работы Василия Васильевича.

Тот пожал плечами.

– Приходится за всё отвечать, – сказал он. – За технику, а главное – за людей. На ходу корректировать проект, потому что на бумаге одно, а в поле получается совсем другое. И условия, в общем, не сахар.

– Ваш труд скорее умственный или физический?

– И то, и другое. Но, пожалуй, головой я работаю больше, чем руками.

– Если у человека есть возможность думать, он счастливее. Большинство людей такой возможности не имеет, – заметил гость. – Они вынуждены в поте лица зарабатывать на хлеб насущный для себя и своих семей. Вы обременены семейством?

– Нет, – развеселился Меркурьев.

– Мой вам совет, – сказал человечек, наклоняясь к нему через стол и понизив голос, – женитесь на особе, имеющей приданое, чтобы таким образом обеспечить себе материальную независимость и возможность на свободе заниматься умственными упражнениями.

– Хороший совет, – кивнул Меркурьев. – Спасибо.

– Совет истинно практический.

Человечек принялся пить чай, а Василий Васильевич сбоку рассматривал его с любопытством двухлетнего карапуза, изучающего соседскую кошку.

– Я задержал вас, – спохватился гость, – а время завтрака. Ещё одна непростительная ошибка!.. Ступайте и не заботьтесь обо мне.

Словно отпущенный на свободу, Василий Васильевич вскочил, отвесил поклон – как мог, так и отвесил, – и ринулся в столовую.

– Ты чего?!

Он чуть не сбил с ног Стаса, который вышел из-за угла прямо на него.

– Где Захарыч?

– Не знаю, не видел. Чего ты несёшься? Пожар?

– А эта? Нинель?

Стас потёр плечо, в которое на полном ходу врезался Меркурьев.

– Её тоже не видел. Что случилось?

– Новый гость приехал, – проинформировал Василий Васильевич на ходу.

– Ну и что?!

Нинель Фёдоровна в шёлковых перчатках, на этот раз розовых, раздавала из корзины хлеб – овальные куски чёрного, длинные ломти багета и золотые, чуть присыпанные мукой рогалики.

Увидев запыхавшегося Меркурьева, она остановилась и воззрилась на него.

– Нинель Фёдоровна, – выговорил он, – доброе утро. Там... в фойе, или как это называется... где чугунная лестница и камин...

– В прихожей?

– Да, наверное, да! Приехал новый гость и ждёт, а Виктора Захаровича я не нашёл. Может, вы встретите?

– Господи, ну, конечно! Виктор Захарович сейчас выйдет, он... полночи не спал, – она понизила голос. – Промаялся с этими... новыми хозяевами. Вас они не беспокоили? Не слишком шумели?

Она пристроила корзину на угол буфета и принялась стягивать перчатки.

– У вас такой дом, – сказал Меркурьев. – Ничего не слышно. Только дверь закроешь, и сразу тихо.

– Раньше так строили, – кивнула Нинель Фёдоровна и с грустной любовью оглядела гостиную. – Им казалось, на века.

– Кому казалось?

– Предкам. Я побегу, а вы позавтракайте непременно! У нас очень хороша овсяная каша, вы такой нигде больше не попробуете.

И она заспешила к выходу. Меркурьев проводил её взглядом.

– Вася!

От неожиданности Меркурьев несколько подскочил.

Никто тут не мог называть его Васей!..

Кристина, Крис-Крыс-Мышь, махала ему рукой. Она сидела не там, где ужинала, а за столом возле окна. Стол помещался в небольшом эркере с тремя длинными узкими окнами на все стороны.

Василий Васильевич подошёл и поздоровался.

– Садись и давай завтракать, – предложила Кристина-Мышь. – Я ем кабачковые оладьи со сметаной. Здесь рядом хутор, там коровы, овцы. Виктор Захарович советовал мне туда сходить, потому что по дороге есть кирха, совсем ветхая, но архитектурный шедевр.

– А куры и коровы при чём? – спросил он, усаживаясь.

– Так я же рассказываю! Так вот, значит, хутор, наши там берут молоко, сметану, всякое такое. То есть, Виктор Захарович и Нинель Фёдоровна. О-очень вкусно! Попробуй.

Василий Васильевич заказал стакан холодного молока – от хуторской коровы, – творог со сметаной, от неё же, и порцию кабачковых оладий.

– Ты их тоже ешь со сметаной, – посоветовала Мышь. – Они солёненькие, поджаристые, хрустят! Со сметаной в самый раз.

– Приехал новый гость, – проинформировал ее Василий Васильевич, намазывая на багет сливочное масло. Оно было холодное, со слезой, и мазалось плохо, скорее ложилось на свежий хлеб толстыми, прозрачными сливочными ломтями.

– Ну и что?

– Странный типус, – проговорил Меркурьев, откусывая хлеб. – Очень странно выглядит и странно говорит. Он принял меня за привратника. Ты можешь себе представить человека, который может принять меня за привратника?

Мышь оглядела Василия Васильевича с головы до ног. Он перестал жевать.

– Что?

– Ты, конечно, больше похож на автослесаря, – сказала она после некоторого раздумья. – Ну, на садовника. Хотя! – Она махнула рукой. – Привратник тоже сойдёт.

Василий Васильевич засмеялся.

– Он приехал на «Кадиллаке». Последней модели, такая... недешёвая машина.

– Может, он богач?

– У него шляпа и ковровый саквояж.

– Ну и что?

Василий Васильевич дожеввал багет:

– Смотри. Шляпа, саквояж и «Кадиллак» последней модели никак не монтируются. Это я тебе говорю как инженер.

Мышь неопределённо повела рукой. Её перстень светился необыкновенным, неземным светом.

– Вот ты лучше скажи мне, как Антипия вызывает духов, а?...

– Никак не вызывает. Это просто представление, – ответил он.

– Вася, – сказала Мышь проникновенно, – я это всё и без тебя знаю! Никаких духов нет, привидений не существует, гоблины и гномы – выдумки, ведьмы и колдуны – плод больного воображения.

Василий Васильевич одобрительно кивал. Так и есть, так и есть!..

– Но как-то это всё сделано! Свеча гаснет, блюдце вращается, стол стучит. Ты что-нибудь заметил?

Василий Васильевич сказал, что ничего не заметил, просто он слишком далеко сидел. Сегодня вечером он сядет поближе, всё поймёт и потом расскажет ей.

– У вас ведь эти вызовы духов происходят каждый вечер?

– Я здесь третий день, – сказала Мышь, – и два раза мы их вызывали. Один раз Брунгильду, другой раз Канта. Вчера. Ты с нами вызывал.

– Два раза из трёх – это уже статистика, – изрёк Василий Васильевич.

Распахнулась дверь, и в столовую ввалился один из свинов. Он был бледен нездоровой бледностью, лоб блестел, как восковой, под глазами коричневое с зелёным. Мятая рубаха, застёгнутая через одну пуговицу на третью, кое-как засунута в брюки. Штанина подвернулась, застряв в носке.

Мышь неприязненно потянула носом – ей показалось, что в столовой отчётливо завоняло перегаром.

Свин устроился в самом тёмном углу и, когда подошёл официант, простонал, чтобы принесли пива холодного и супа горячего, всего побольше. После чего уронил голову на руки и замер.

– Перестарались, – констатировал Василий Васильевич.

– Да ну, – сказала Мышь с отвращением. – И они покупают этот дом!.. Почему всё так несправедливо устроено? Прямо мерзко!

– Может, они хорошие люди, – предположил Меркурьев просто из духа противоречия.

– Кто?! Эти?! Да они вообще не люди!.. Они биомасса, пластилин, исходное сырьё. Из сырья ещё только должен выработаться человек. Лет через пятьсот-шестьсот потомство этого типа обретёт человеческие черты.

– Какая-то фашистская теория, – заметил Василий Васильевич.

– Ничего подобного, – энергично возразила Мышь. – Просто я говорю то, что думаю, а вы, старшее поколение, все ханжи. Потому что родились при советской власти и она вас испортила. – Тут она вдруг толкнула Меркурьева под бок. – Смотри, смотри!..

В столовую вплыла красавица с ярко покрашенным ртом и не по утреннему времени искусно уложенной причёской – волосок к волоску. Так выкладывали причёски в двадцатых годах прошлого века, Василий Васильевич видел на фотографиях. Красавица была облачена в длинное, до пола, светло-розовое шёлковое платье с короткими рукавами, и норковое мантио, наброшенное поверх шёлка.

Она вышла на середину столовой, остановилась и неторопливо огляделась.

Антипия – на этот раз все её одежды были бирюзового и зелёного оттенка, – не обратила на красавицу никакого внимания. Она продолжала пить из высокого стакана нечто оранжевое, изредка запивая оранжевое коричневым и густым из другого стакана.

Стас некоторое время паялил глаза, потом подскочил и предложил красавице сесть.

Она кивнула, улыбнулась и прошествовала к полосатому дивану по соседству с обездвиженным свином.

– Может быть, лучше к окну? – предложил растерянный Стас.

– Из окон вечно дует, – отозвалась красавица. Голос у неё был под стать общему облику – низкий, тягучий, выразительный. – Меня

зовут Лючия, – объявила она как будто Стасу, но на самом деле всем присутствующим. – Я приехала вчера вечером и несколько дней поживу здесь.

Она посмотрела по сторонам, а потом на компьютерщика.

– Представьте мне остальных, – потребовала она. – Наверняка вы все знакомы!

Мышь фыркнула.

Василий Васильевич улыбнулся.

Антипия перешла к чему-то зелёному.

– Меня зовут Стас, я из Москвы, – начал компьютерщик с самого простого. – Я в отпуске. Люблю Прибалтику.

Больше сказать ему было нечего, а инициативу в плане знакомства больше никто не проявлял. Стас оглянулся по сторонам и простёр руку в сторону Меркурьева и Мыши.

– Василий Васильевич, инженер, – громко сказал он. – Из Бухары. Тоже в отпуске. – Меркурьев привстал и слегка поклонился. – А Кристина – рядом с ним, – пишет диплом.

– Понятно, – уронила красавица. – Ну, что ж, бывает.

– В каком смысле? – не понял Стас.

Та вздохнула.

– И диплом бывает, и Бухара тоже. А эта дама? – Она кивнула на вещунью, которая не обращала на них никакого внимания.

– А, это наша колдунья, она приехала на слёт магов, – зачастил Стас.

– Я не колдунья, – с досадой перебила Антипия, по-прежнему не взглянув в сторону красавицы и компьютерщика. – Сколько раз повторять! Я проводник. Между двух миров! Духовная дочь учителя Сантаны и последовательница великого Пуришты.

– А человека в углу я не знаю, – продолжал Стас. – Они с другом только вчера приехали и сразу набрались.

– Бог с ним, – сказала красавица. – Выпейте со мной кофе.

Стас немедленно плюхнулся напротив неё. Мышь следила за происходящим сердитыми глазами.

– До чего не люблю, когда выпендриваются, – сказала она наконец. – Истерики не люблю и когда выпендриваются не люблю.

– Сколько тебе лет? – спросил Меркурьев.

– Двадцать три, а что?

– Да нет, я просто так спросил. Интересно, где тот, мой? В шляпе и с саквояжем? Он будет завтракать?

– Зачем он тебе?

Меркурьев помолчал.

– Я бы с ним поговорил подольше, – сказал он, наконец. – Он занятный.

Краем глаза он посматривал на красавицу, которая пила кофе и негромко беседовала со Стасом.

А она на чём приехала? На такси? Непохоже! К такой даме должны прилагаться не только платье до пола и норковое манто, но ещё несколько специальных «дорожных костюмов» и шофёр в фуражке. И куда делась машина, которая привезла свинов? Или даже две, если у них было по машине на каждого!

На брусчатке перед парадным входом стоял только белый «Кадиллак»...

Мышь потянулась так, что в животе у неё что-то пискнуло. Она смутилась и даже слегка покраснела.

– Тянуться за столом нельзя, неприлично, – выпалила она. – Я знаю, не смотри на меня так!

– Как?

Она опять покрутила рукой, изображая нечто.

– Как взрослый на младенца! А где Софья? Ты же с ней собирался на прогулку!

Василий Васильевич вздохнул. С гораздо большим удовольствием он пригласил бы на прогулку Мышь, но Софья уже пригласила его самого, ничего не поделаешь.

– Сходи на маяк, правда, – сказала Мышь серьёзно. – Я ещё ни разу там не была, а говорят, оттуда вид красивый, прям открыточный. Я утром из окна видела, как ты бежал по пляжу.

Василий Васильевич посмотрел на неё. Он всё никак не мог привыкнуть к её манере разговора, когда она – оп-ля! – и поворачивала совсем в другую сторону.

– Мне показалось, что тебя вот-вот хватит инфаркт. Ты еле шевелился, и ноги у тебя заплетались.

Василий Васильевич оскорбился. Во-первых, он был уверен, что бег у него атлетический, лёгкий. Во-вторых, для первого раза результат был великолепный! В-третьих, ничего у него не заплеталось!

– Я просто давно не бегал, – сказал он, поднимаясь из-за стола. – Мне нужно потренироваться.

В коридоре он столкнулся с Виктором Захаровичем. Вид у того был болезненный, он раскладывал на наборном столике свежие газеты и морщился.

– Не спал ни минуты, – пожаловался старик. – Загонят они меня в могилу, право слово!.. Уж купили бы, и дело с концом.

– А что? – поинтересовался Меркурьев. – Раздумали?

– Да ничего не раздумали! Сегодня договор будем подписывать, в два часа нотариус подъедет. Перепились они вчера, вот и вся история. Теперь до вечера не очухаются, я это уж однажды наблюдал!.. Когда мы только познакомились.

– Один очухался, – сказал Василий Васильевич. – По крайней мере, принял сидячее положение. В столовой он его принял.

– Да? – поразился Виктор Захарович. – Удивительное дело! Лишь бы опять не начал.

– Утром приехал ещё один гость, я ему двери отпирал, – продолжал Меркурьев. – Вы его видели? В шляпе и длинном пальто.

– Его Нинель Фёдоровна поселила.

– Как его имя?

Виктор Захарович посмотрел на Меркурьева в явном затруднении.

– Вот... не скажу. Забыл!.. Я потом в компьютере посмотрю! Это надо же такому быть – забыл! Совсем старый стал.

– А вещунью как зовут? Антипию?

– Эту помню, – сказал Виктор Захарович. – Марьяна Витальевна Антипова она у нас.

– Столы вертеть и свечи гасить вы Марьяне Витальевне помогаете?

– Я?! – ненатурально удивился Виктор Захарович. – Что вы, Василий Васильевич! Даже близко нет! Я от неё и сеансов этих как чёрт от ладана бегаю!..

– Стало быть, дух Канта помогает, больше некому, – заключил Василий Васильевич. – Если вы ни при чём!

Хозяин осторожно пожал плечами и сказал:

– Всё возможно.

Через вестибюль со стрельчатым окном и камином Василий Васильевич вышел на улицу, по пути проверив книгу на столике. «Философия Канта» была закрыта – как он её и оставил.

Меркурьев обошёл вокруг дома – дорожка, вымощенная брусчаткой, вела вдоль красной кирпичной стены к террасе с балюстрадой. Старые липы, ещё не до конца облетевшие, роняли на брусчатку листья. Ещё одна дорожка, тоже обсаженная липами, вела к буковой роще, и Меркурьев решил, что непременно пройдёт по ней.

Он немного постоял на террасе, глядя на море, сверкавшее за кустами, и послушал, как оно шумит: шу-уф, шу-уф!..

Может, завтра после пробежки искупаться? Для окончательного перехода в атлеты? Всё же он явно не в форме, раз Кристина сказала, что ноги у него заплетались и вид был неважный!..

– Прекрасное утро, правда?

Голос был потрясающий – низкий, глубокий. Василия Васильевича приводили в трепет низкие женские голоса. В прямом смысле слова – в спине что-то вздрагивало, и руки покрывались «гусиной кожей».

Он повернулся и посмотрел.

Вновь прибывшая красавица по имени Лючия сидела в плетёном кресле, где после кросса сидел он сам, положив ногу на ногу и глядя на море. Розовый шёлк струился по округлому колену, открывал

узкую щиколотку, обтянутую тугим чулком. Подбородок утопал в коротком блестящем мехе, уложенная причёска была как у камеи.

– Утро... да, – промямлил Василий Васильевич. – Ничего.

– Вам здесь нравится?

– Очень, – быстро сказал Василий Васильевич, и Лючия кивнула.

– Мне тоже. Я отлично выпалась! Такая тишина, такой покой. Хотя утром мне показалось, что под дверью кто-то разговаривает. Я даже вышла посмотреть, но никого не увидела.

Меркурьев помедлил в нерешительности, потом подсел к ней.

– О чём был разговор?

Красавица чуть повернула голову и улыбнулась. Нижнюю половину ее лица скрывал мех, но всё равно было понятно, что она улыбается.

Василий Васильевич словно слегка ослабел.

– Разговор? – переспросила она сквозь мех. – Что вы! Я не слушала, конечно. А почему это вас интересует?

– Я тоже пару раз слышал, как кто-то разговаривает. У себя в комнате и в вестибюле.

– Но здесь живут люди! И наверняка разговаривают друг с другом.

– Да, – с излишним жаром воскликнул Василий Васильевич, которому хотелось всё ей объяснять, растолковывать и при этом выглядеть очень умным, – но я так и не понял кто!.. И рядом совершенно точно никого не было. Только Стас с велосипедом прошёл, но он не мог разговаривать сам с собой.

– Стас очень милый, – заметила Лючия. – Пригласил меня на прогулку.

– Понятное дело.

Она сбоку посмотрела на него.

– Вы правда из Бухары?

– Я работаю в Бухаре, – досадуя на себя, на «гусиную кожу», на излишний жар и явно глупый вид, возразил Меркурьев и встал. – Прошу прощения, мне нужно идти.

Она кивнула.

Большими шагами он вернулся в дом – в обход, не через гостиную, – и возле своей лестницы столкнулся с Софьей.

– Привет, – сказала она весело. – Ну что? Мы идём на маяк?

– Да, – ответил Василий Васильевич грубо – следствие досады, – я только возьму куртку.

– Я подожду вас на террасе! – И Софья пропорхала на улицу.

Там тебя ждёт сюрприз, подумал Меркурьев с некоторым злорадством. Конкуренция возрастает!..

Куртка, утрамбованная в одну из сумок, имела такой вид, словно её долго и с удовольствием жевала та самая корова, которая поставляла Захарычу молоко и сметану. Василий Васильевич несколько раз встряхнул её в напрасной надежде, что она станет несколько более похожей на человеческую одежду. Ничего не изменилось.

Ну и ладно.

Когда он вновь оказался на террасе, диспозиция выглядела следующим образом: красавица в шелках и мехах по-прежнему сидела к плетёном кресле и безмятежно смотрела вдаль, Софья с джинсах и кургузой курточке стояла, облокотившись о балюстраду, и спина у неё была рассерженной.

Как только Василий Васильевич с ней поравнялся, она немедленно крепко взяла его под руку.

– Как хорошо! – заговорила она громко. – И солнышко вышло! Я так мечтала сходить на маяк, никогда в жизни там не была. Он ведь заброшен?

– По всей видимости.

– Очень романтично.

По брусчатке они спустились к пляжу. По кромке песка росла жесткая зелёная трава, кое-где пробиваясь сквозь доски «променада». Море – до самого горизонта – было ласковым, изумрудным, тихим. Редкие облака стояли над ним, снизу

подсвеченные синим. Солнце иногда заходило за синее облако, и сразу становилось холодно, налетал стремительный ледяной ветер.

Василию Васильевичу нравились трава в песке и ветер.

– Вы правда из Бухары? – спросила Софья, прижимаясь к нему округлым плечом.

Меркурьев вздохнул:

– Я работаю в Бухаре.

– Зачем вы там работаете?

Он опять вздохнул.

– Затем, что мне предложили там работу.

– А в Москве не предлагали?

– В Москве не строят газопроводов.

– Ну, – сказала Софья покровительственно, – какие глупости. В Москве можно найти любую работу.

– По моей специальности вряд ли.

– Я бы ни за что не уехала из Москвы, – промурлыкала Софья. – Вот, знаете, даже в Испанию не уехала бы! У нас многие девчонки вышли замуж и сейчас живут в Европе. А я не хочу! Что там делать, в Европе? Москва – это жизнь, ритм, скорость!..

– Возможно, – согласился Василий Васильевич, рассматривая пики травы у себя под ногами и слушая крики чаек. – Я давно там не был, точно сказать не могу.

– Нет, только в Москве, – настаивала Софья. – Только там можно реализовать себя. И не скучно! Развлекайся с утра до ночи. Всё к твоим услугам.

– Тут уж одно из двух, – сказал Василий Васильевич. – Или реализовывать себя, или развлекаться. Совместить это никак невозможно.

– Почему?

Вести с ней умные беседы ему не хотелось. С той, в шелках и мехах, хотелось, а с этой нет. И он сказал, что для того, чтоб реализовать себя, нужно много и упорно трудиться, а когда много и упорно работаешь, развлекаться некогда.

– Какой вы зануда, – резюмировала Софья. – Вы самый настоящий зануда, но милый.

– Милый, чо? Милый, чо навалился на плечо? – пропел Меркурьев и спохватился. – Это я просто так. Это шутка.

Софья выдернула у него руку, присела, сорвала некое подобие ромашки и воткнула себе за ухо.

– Мне идёт?

Меркурьев смотрел вдоль пляжа, а на Софью не смотрел.

– Во-он там, – он показал рукой. – Там, кажется, наша Антипия, да?

– Посмотрите на меня, – потребовала его спутница. – И скажите, мне идёт?

– Что? – Меркурьев посмотрел, ничего не заметил и на всякий случай сказал, что это исключительно красиво. – Она, должно быть, тоже гуляет.

Заклинательница духов шла вдоль моря по самой линии прибоя. Развевались её бирюзовые и зелёные одежды, подсвеченные солнцем, как будто вдоль моря катился громадный сверкающий изумруд из кольца Кристины.

– Марьяна Витальевна! – закричал Меркурьев, когда они поравнялись. – Ноги не промочили?!

Антипия издали помахала им рукой и пошла дальше.

– Почему вы так её называете?

– Потому что так её зовут.

– Марьяна?! – переспросила Софья и фыркнула. – Всего-то?! А эту, которая сегодня приехала? Ну, которая сидела на террасе, вся такая сделанная и с красными губами? Неужели не заметили?

– Заметил.

– Как её зовут?

– Лючия! – провозгласил Василий Васильевич. – Так она себя называет.

– Час от часу не легче, – пробормотала Софья. – Та Марьяна, эта Лючия...

– Ничего не поделаешь, – сказал Василий Васильевич, его Софья раздражала. – Здесь вам не Москва.

– При чём тут это?

Василий Васильевич и сам не знал.

– Вы не читаете труды Канта? – спросил он.

– Зачем? – удивилась Софья.

Этого Василий Васильевич тоже не знал.

– На столе в вестибюле лежит книга «Философия Канта». Интересно, кто её читает?...

– Не я, – и Софья вновь взяла его под руку. – Знаете, я не люблю старьё. Стариков терпеть не могу! Старые фильмы никогда не смотрю, старых книг не читаю. Только новые!..

– Новые книги – это какие?

– Вы отстали от жизни в этой вашей Бухаре, – засмеялась Софья. – Сейчас выходит масса новинок! По развитию личности, всякие тренинги, эзотерика, по истории тоже! Вот вы, например, знаете, что всего цивилизаций на нашей планете будет семь? Атланты – одна из прошлых, и она же возродится в будущем. Атланты по счёту третья. А у нас сейчас пятая. – Тут она охнула, как отличница, допустившая на экзамене ужасный промах в элементарном вопросе. – Боже, что я сказала! Сейчас четвёртая, а не пятая! Мы живём в четвёртой цивилизации, а всего будет семь.

– семью семь, – сказал Василий Васильевич, – сорок девять.

– И те, прошлые, были гораздо, гораздо цивилизованнее нас! Они умели летать без всяких самолётов, проходить сквозь стены, лечить любые болезни. Нам до них ещё далеко. Они и в космос летали, и с инопланетными пришельцами общались. Правда-правда! Сохранились разные свидетельства. Этим свидетельствам шестьдесят миллионов лет, их от нас специально скрывают правительство и спецслужбы.

Василий Васильевич на всякий случай уточнил:

– Всё это пишут в новых книгах?

– Конечно! – с энтузиазмом согласилась образованная Софья. – Это очень интересно читать! В интернете есть специальные сайты для любителей альтернативной истории, я на всех бываю и на всех авторов подписана.

– Такое чтение, – изрёк Василий Васильевич, – должно быть очень расширяет кругозор.

– Вот вы говорите как старик! Как будто брюзжите! Но вы же ещё молодой!

– Я пожилой. В душе.

– Да ладно вам кокетничать!.. А не верите вы, потому что читаете только этого вашего Канта!..

– Канта без подготовки читать невозможно, – заметил Меркурьев.

– Что значит невозможно?

– Я ничего не смыслю в философии. Не знаю, что такое трансцендентальная эстетика. Не понимаю метафизического толкования пространства. Способ открытия чистых рассудочных понятий мне неведом. Логическая форма всех суждений, состоящая в объективном единстве апперцепции содержащихся в них понятий, для меня загадка.

– Про это Кант писал? – недоверчиво уточнила Софья.

Меркурьев кивнул.

– Он что, дурак? Зачем такую ерунду писать?! Ему что, заняться было нечем?

– А вот и маяк! – вскричал Василий Васильевич, задрал голову и посмотрел. – Надо же, какой высокий, издалека мне казалось, что он гораздо ниже.

– Как же мы к нему пролезем? – спросила Софья, отвлекаясь от критики Канта. – Прямо по песку, что ли? Я думала, к нему мостки проложены.

– Придётся по песку. Можно, конечно, вернуться и попробовать подойти со стороны леса, но можно и здесь.

Он спрыгнул с досок «променада» на влажный плотный песок и подал Софье руку. Она оперлась и тоже спрыгнула. Вид у неё был

недовольный.

– Там камни, – сказала она, глядя в сторону маяка. – Мы что, будем по ним карабкаться?...

– Интересно, когда его построили? – спросил Меркурьев. – Лет сто назад? Или двести?

– Э-эй! – закричала издалека Антипия-Марьяна. – Вы наверх? Подождите, я с вами!..

– Ждём! – прокричал в ответ Василий Васильевич и сам у себя спросил: – Может, это она в вестибюле читает Канта? Или хотя бы знает, когда был построен маяк?

– Дался тебе этот Кант! – с сердцем сказала Софья.

Антипия подходила, одежды её развевались на ветру, и по песку рядом с ней бежал изумрудный отсвет. Она подошла, взяла Меркурьева за руку и высыпала ему в ладонь мелкие, как пшеничные зёрнышки, жёлтые камушки.

– Янтарь? – спросил Меркурьев, пересыпая камушки из руки в руку. Они приятно шелестели.

Антипия кивнула. Щёки у неё горели от ветра, и блестели карие глаза.

– Виктор Захарович сказал, что после штормов янтаря всегда бывает много. Я вышла и вон сколько набрала.

– Ерунда какая-то, – сказала Софья, поглядывая на камушки. – Я где-то читала, что янтарь – это отвердевшая смола. Вроде в старину в море падали какие-то сосны, смола затвердевала, и из неё получался янтарь. Так и было написано!..

Меркурьев промолчал, и Антипия промолчала тоже.

– Я только не понимаю, кому она нужна, смола! Ну, если это и вправду смола. Не бриллиант, не изумруд!.. И ещё про какую-то комнату из янтаря я читала. Вроде она пропала, и все ее ищут. Как из него может быть комната, если он такой мелкий? В комнате должны быть стены, полы, потолок! Как могла пропасть комната, я не понимаю?! Ну вот в квартире – было три комнаты, а стало две, что ли?

– Ну, – сказал Меркурьев бодро и ссыпал янтаринки в подставленную ладонь Антипии. – Попробуем забраться? Я вам буду помогать.

– Да мы уж надеемся, – пробормотала Софья, а Антипия опять ничего не сказала.

По очереди – Меркурьев возглавлял, Антипия замыкала, – они забрались по валунам к подножию старого маяка. Первым забирался Меркурьев, утверждался на валуне, осматривался, куда в случае чего можно прыгнуть, потом за руку втягивал одну и вторую даму. Как это ни странно, Антипия забиралась легко и ловко, несмотря на одежды, которые ей мешали, а Софья с трудом, раздражаясь всё больше и больше.

На мысу ветер был гораздо сильнее, чем внизу, на пляже. Он срывал со слабых волн мелкую водяную пыль. Пыль висела в воздухе, и в ней дрожала и переливалась радуга.

– Как здорово! – закричала Антипия, увидев радугу. – Смотрите, ребята, какая красота!..

– Да уж, конечно, – пробормотала Софья. – Ничего не скажешь! А то мы радуги никогда не видали!..

Меркурьев, задрав голову, рассматривал серые могучие стены, сложенные из неровных камней, черепичную крышу, кое-где темневшую пятнами дыр. Балкон с полуразвалившейся решёткой опоясывал маяк на неизмеримой высоте. На одной из уцелевших секций решётки сидела белая чайка.

– Где-то должен быть вход, – сквозь ветер прокричал Меркурьев. – Может, поищем? Вдруг он не заколочен?

– Я туда не пойду, – закричала в ответ Софья. – Ещё свалится что-нибудь на голову или чайка наделает!.. Отмывайся потом!..

Какая умная, дальновидная и предусмотрительная девушка, подумал Василий Васильевич ни к селу ни к городу. Должно быть, станет хорошей женой и матерью!..

Он пошел по каменной террасе вокруг маяка. Ветер рвал полы куртки, трепал капюшон так, что казалось, он вот-вот оторвётся.

Василий Васильевич накинул капюшон на голову, ветер тут же его сорвал. Меркурьев рассердился, натянул капюшон и накрепко стянул завязки.

Сразу стало тихо, словно уши заложило.

Всё ему нравилось – каменные валуны, радуга, качавшаяся в брызгах, сильный ветер, чайка, солнечное небо, языки песка, которые намело между валунами.

Вдруг кто-то взял его за руку. Он остановился и оглянулся.

– Нам туда нельзя, – проговорила Антипия. Она придерживала под подбородком изумрудный платок, который рвал ветер. Глаза у неё были дикие. – Мы не должны туда ходить.

– Куда?!

Она подбородком показала куда-то.

– Чего мы встали?! – Софья, тяжело дыша, приблизилась к ним, нагнулась и упёрлась руками в колени. – И вообще, зачем мы сюда лезли?! Кто-нибудь знает? Нельзя, что ли, с пляжа посмотреть?

– Не ходи туда, – сказала Меркурьеву Антипия.

– Девочки, не нервничаем! – призвал он. – Мы сейчас обойдём маяк и вернёмся в гостиницу.

– Стой, не ходи!..

Но он уже скорым шагом шёл по каменной террасе. Ветер рвал полы куртки и капюшон. Под кроссовками скрипел песок и мелкие камушки.

Василий Васильевич перепрыгнул канавку, размытую дождями, и приблизился к серой, наглухо закрытой двери с двумя поперечными перекладинами. Дверь была укреплена проржавевшими железяками, и казалось, что она не открывалась много лет.

Меркурьев потянул чугунное кольцо, заменявшее дверную ручку, и дверь подалась так неожиданно легко, что он чуть не завалился на спину.

– Туда можно войти!..

Он заглянул. Внутри царил полумрак, и после солнца и ветра трудно было различить что-нибудь определённое. Василий

Васильевич оглянулся. Со стороны моря подбегала Антипия, куда-то показывала рукой.

– Что? – Василий Васильевич посмотрел, куда она показывала, и ничего не увидел. – Что такое?!

– Посмотри!..

Меркурьев аккуратно прикрыл тяжелую дверь и посмотрел.

Он увидел лакированные ботинки – среди кустов жёлтой травы, – и удивился, кому пришло в голову лежать в траве в ноябре месяце. Затем он увидел задравшиеся брюки, а следом неестественно вывернутую руку в песке. Ладонь была голубоватого цвета, и эта вывернутая ладонь всё ему объяснила.

Он понял как-то сразу, моментально – у подножия маяка в траве лежит мёртвый человек.

Преодолевая страх, Василий Васильевич подошёл и посмотрел.

Один из тех двоих, что вчера пировали в гостиной островерхого дома и пели «Ах, какая женщина, какая женщина!», лежал на спине, уставившись в небо стеклянными глазами. Одна рука вдоль тела, вторая выгнута под каким-то странным углом. Он был в костюме – как вчера, – рубашка распахнута на пузе, пуговицы отлетели, и видно было волосатый, абсолютно белый живот.

Антипия быстро и жарко дышала Василию Васильевичу в ухо.

– Что вы там нашли? Опять янтарь какой-нибудь?

Софья подошла поближе, вытаращила глаза и громко сказала:

– Ой! – Подумала и добавила. – Мы же его знаем! Это тот, вчерашний! А чего он здесь лежит?

– У кого телефон с собой? – спросил Василий Васильевич будничным голосом. – Я свой в комнате оставил. Надо бы позвонить.

– У меня, – Софья достала телефон. – Куда звонить? Нет, а чего он лежит?

– Он умер, – объяснила Антипия, Софья засмеялась:

– С перепою, что ли?... Такие, как он, просто так не умирают! Эй! Вставай! – Она немного подвинула Антипию, нагнулась и потрясла лежащего за плечо. Потом оглянулась.

– Чего это с ним?

– Он умер, – повторила Антипия.

– Почему?!

– Видимо, свалился с маяка, – нетерпеливо сказал Василий Васильевич. – Можно мне телефон?

Софья сунула ему трубку и ещё раз посмотрела на лежащего.

– Слышь, мужик, – она ткнула его в бок носком ботинка. – Вставай. Или ты правда помер? А это который из них? Их же двое было!

– Я не знаю, – прошелестела Антипия.

– Отделение? – между тем говорил в трубку Василий Васильевич. – Моя фамилия Меркурьев. Возле заброшенного маяка мы обнаружили труп. Да, самый настоящий. Нет, просто человек лежит, и всё. Хорошо. Ждём.

Он вернул Софье мобильный и сказал:

– Сейчас приедут.

– Откуда вы взяли телефон отделения? – строго спросила Антипия, словно подозревая Меркурьева в обмане. Он взглянул на неё и ответил неохотно:

– В интернете. Я же не ясновидящий! Я могу только в интернете посмотреть, проще простого!

Солнце прикрылось облаком с синим днищем, и сразу стало холодно, море потемнело, мокрый песок оказался серым, а не золотым.

Антипия нагнулась над телом и зачем-то полезла в карман пиджака покойного.

– Не нужно ничего трогать, – сказал Василий Васильевич, искоса на неё взглянув.

– Мне надо.

Меркурьев не стал её останавливать. Зачем?... Он сунул руки глубоко в карманы куртки, поднял плечи – ему неожиданно стало холодно, – и стал смотреть на море.

Который из двух – Александр Фёдорович или Иван Николаевич?

Вчера ночью это тело было вполне жизнерадостным свином. Свин весело хрюкал, опрокидывал водочку, громко пел, выел огромный кусок заливной рыбы и ликовал при виде подноса с шашлыками.

Сейчас он лежит в бурьяне – невидящие глаза распахнуты в небо.

Как это возможно? Почему так получилось?

Софья взяла его за локоть, он повернулся и стянул с головы капюшон.

– Я здесь не нужна, наверное, – сказала она совершенно спокойно. – Вы его нашли, вы и объясняйтесь. Я ничего не видела.

Меркурьев кивнул.

– Я пойду, да?

Он опять кивнул.

– Как ты думаешь, – повеселев, спросила Софья, – лучше по променаду или по шоссе? Они же из посёлка приедут, значит, лучше по пляжу, да? Чтобы на них не наткнуться.

– По пляжу лучше, – согласился Василий Васильевич.

– Ну всё, тогда я побегу, – быстро сказала она и поцеловала его в щеку. – Как-то неудачно получилось, да? Завтра опять гулять пойдём, только в другую сторону!

Софья кокетливо погрозила ему пальцем, обежала вокруг маяка и стала аккуратно спускаться по насыпи из валунов. Среди серых камней мелькала яркая куртка.

– Зачем ты её отпустил?

Меркурьев опять натянул капюшон.

– Она всё равно не осталась бы, а шуму было бы много. Что ты искала у него в карманах?

– Ничего, – фальшиво ответила Антипия. – Я просто посмотрела.

– На месте происшествия ничего нельзя трогать. Тем более лезть в карманы трупа!..

– Я заглянула, – повторила она упрямо. – И всё!..

И они стали вместе смотреть на море. Ветер трепал и рвал её бирюзовые одежды.

– Откуда ты узнала, что там мёртвое тело? – Меркурьев сбоку взглянул на Антипию. – Ты говорила – нам туда нельзя, не ходите!.. Ты что, уже видела его?

– Я проводник между мирами, – заявила Антипия веско. – Я вижу то, чего не могут видеть остальные. За старым маяком я увидела смерть!

– Что ты мне сказки рассказываешь!

– Можешь не верить, но так и есть.

– Ясно. И на всякий случай порыться у него в карманах тебе тоже велели духи, – заключил Василий Васильевич. – Который из них? Иммануила Канта или королевы Брунгильды?

– Ты ничего не понимаешь, – отчеканила Антипия. – Как все люди, ты косный и ограниченный человек.

– Это точно. И как косный и ограниченный, я обязательно скажу эмвэдэшникам, что ты рылась у него в карманах и заранее знала, что мы найдём труп.

– Ты волен говорить им всё, что угодно.

– И скажу, – мстительно пообещал Василий Васильевич.

Они стояли довольно долго и совершенно замёрзли, Антипия принялась сморкаться и утирать мокрый холодный нос бирюзовым носовым платком, а у Меркурьева на глаза наворачивались слёзы, когда за спиной коротко взвыла сирена. Они синхронно вздрогнули и оглянулись.

Антипия уронила бирюзовый платок.

Позади них, утопая покрышками в песке, стоял белый «фордик» с синими полосами и надписями на бортах. Двери открылись, из них выходили люди.

– Пойдём поговорим, – сказал Василий Васильевич хмуро.

И – он впереди, она за ним – они двинулись к машине.

Было почти темно, когда «форд», прошуршав колёсами по липовой аллее, высадил Меркурьева и Антипию под чугунным козырьком крыльца.

Меркурьев, у которого зуб не попал на зуб, вылез первым, позабыв о том, что должен быть галантным, и, нагнувшись к окну, сказал водителю в форме:

– Подожди, парень, не уезжай, я только за кошельком сбегаю!..

Антипия тоже выбралась и торчала рядом, держа себя за локти. Она так сильно тряслась, что все её одежды колыхались.

– Иди внутрь, – велел ей Меркурьев.

– Не суетись, мужик, – весело ответил парень. – Давай водки наката и спать ложись! Не нужно мне никаких денег!..

– Ты ж нас довёз! Мы бы автобуса до завтра ждали!

– Я вас по дружбе довёз, – засмеялся парень. – Главное что? Главное – «глухаря» не поймали! Я бы тебя за такое до Москвы довёз! Всё ясно – набрался крендель в зюю, залез на башню и навернулся! Дело открыто, дело закрыто! Одно удовольствие, когда такие показания дают! Всё, бывай, мужик, мне тоже домой охота!..

В два приёма он развернулся на брусчатке и покатил по гравию. Перед поворотом красным светом полыхнули тормозные огни его машины, и «Форд» свернул на шоссе.

– Набрался в зюю, – повторил Василий Васильевич задумчиво, – навернулся, дело закрыто.

– Так и есть, – простучала зубами Антипия.

– Иди в дом. Ты в этих лохмотьях, наверное, все места себе отморозила.

– С-сари, – вся трясясь, выговорила Антипия. – С-с-с-самая удобная одежда во Вс-с-селенной.

– Не только самая удобная, – согласился Василий Васильевич, – но и самая подходящая для нашего климата!..

Он взял прорицательницу за ледяную руку, потащил за собой и втолкнул в дом.

В вестибюле горел свет – теплилась жёлтым светом неяркая люстра, – и полыхал камин. Василий Васильевич весь, с головы до ног, моментально покрылся «гусиной кожей».

Антипия, как сомнамбула, подошла к камину, стала перед ним и вытянула руки ладонями вперёд.

– Нужно переодеться и поесть. Пошли! – скомандовал Василий Васильевич.

– Я пока постою, – проблеяла Антипия. – Я что-то немного... устала. Погреюсь тут.

Меркурьев подошёл и вновь потянул её за руку.

– Нужно одеться, – сказал он ей в лицо. – И обязательно поесть! Лучше всего горячего мяса. И водки выпить.

– Я вегетарианка. И водку не пью.

– Кто не курит и не пьёт, – продекламировал Василий Васильевич, – тот здоровеньким помрёт. Пошли. Ты же по соседству со мной живёшь?

Она кивнула.

Из гостиной доносились голоса, и Меркурьеву показалось, что среди них он различает голос утреннего гостя, но заходить не стал.

Когда они уже были на лестнице, двери распахнулись, и показалась Нинель Фёдоровна с подносом, уставленным стаканами.

– Василий Васильевич! Мура! – Домоправительница поискала глазами, куда пристроить поднос, приткнула на овальный столик с цветочной вазой и всплеснула руками. – Господи, почему так долго?! Что там с вами делали, в отделении?!

– Всё в порядке, – мужественным голосом сказал Меркурьев.

– Они от нас в два часа дня уехали, всех опросили, да и ладно! А вас всё нет и нет! Я вся извелась!..

– Нинель Фёдоровна, нам бы поесть и выпить.

– Ну, конечно! Господи, сейчас всё, всё будет! Я утку специально никому не давала, для вас берегла!.. Мурочка, может, чайку горяченького в комнату подать? Я сейчас организую, моментально!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

ТАТЬЯНА Устинова

— первая среди лучших —

Призрак Канта

